

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

ЖЕНИХ И ЕГО НЕВЕСТА

ПОВЕСТЬ О МОЁМ ДРУГЕ

Москва
Издательство «БПП»
2010

Уважаемый читатель!

Эта повесть публиковалась несколько раз. Я её переписывал, переделывал, что-то убирал, что-то добавлял. Изменял и название — «Далеко от войны», «Пряничная кружка», «На маленькой станции». Новое название, мне кажется, более точное. Если Вы не согласны, то напишите, как бы вы назвали её. Я – исправлю. Нынешнее современное средство общения нам позволит это сделать.

В детстве я дружил с девочкой Олей. Теперь не могу точно сказать, была ли она эвакуирована из Ленинграда, спросить не у кого. Умерла. Нет наших мам. Умерли тёти и дяди-фронтовики, водившие мимо нашей маленькой станции железнодорожные составы. Росли мы, росла станция. Она стала городом.

Повесть о детских чувствах, о взаимоотношениях, конечно, о любви. А если у Вас есть дети, то они, побывав на маленькой станции, обретут новые душевные качества, станут Вас лучше понимать, а Вы — их.

Буду рад получить весточку, замечания и пожелания. Попробуйте написать о своём детском времени. Верю – у Вас получится. Мне везёт на одарённых людей.

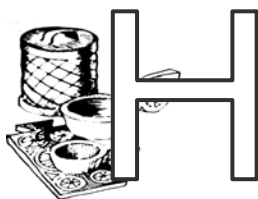
Автор.

Ольге Яковлевне Попадьиной

ЖЕНИХ И ЕГО НЕВЕСТА

Повесть

ПРЯНИЧНАЯ КРУЖКА

Н железнодородной станции Заринке растет Игорь Бабушкин. Его мама выдаёт билеты из окошечка вокзальной кассы всем, кто хочет уехать куда-нибудь. Мама говорила соседке, что мужа не хотели отправлять на фронт. У него была какая-то «бронь». Игорь не понимает, как у человека может быть бронь. У самолёта, у танка. А человек, где её носит? Отец специально остановил свой состав не на нужном месте, чтобы его послали воевать. Он правильно сделал, если по-другому нельзя. Не убежать же ему на фронт на паровозе.

В альбоме сохранилась желтая фотокарточка. У отца на пиджаке орден. Он был на войне, которая началась раньше этой. Игорь был крошечным, поэтому не помнил, как уехал отец, но недавно видел, как мама отвинтила тя-

жёлый орден и спрятала в чемодан. Только на минутку дала подержать.

Тётя Лариса — это мама Яшки-парикмахера — дала за пиджак мало муки, но её надолго хватило. Мама натёрла картошки, насыпала муки и отрубей, испекла оладьи, которые назвала драниками. «За что их драть, — думал тогда он. — Они вкусные». Ольга, хотя и ела мало, но вела себя хорошо — не важничала и не вредничала, как вчера.

Игорь собрал со стола сухие крошки. «Зачем сразу съел весь хлеб, а суп оставил на ужин. Надо было крошить в суп. Они бы размокли. Их стало больше. Хорошо бы на плите нажарить из картошки печенок, — подумал и потрогал печь. — Ольга хорошо умеет жарить картошные ломтики». Он представил поджаристый кружок и зажмурился. «Надо идти к Ольге, — вздохнул мальчик, прислушиваясь, как ветер шарится в трубе, как потрескивают стены барака. — Вчера раздружился с противной Ольгой, а сегодня придётся идти к ней и дружить снова. Подружу до вечера и больше не буду».

Ольга часто бывает хорошей и доброй, как её мама тётя Катя. Она работает на вокзале, но не даёт никому билеты, а переводит стрелки. У неё в чехле желтый и красный флажки и громкая дудка, которой сигналиит. Но чаще Ольга бывает невозможной. С Валькой можно договориться, с её братьями — Славкой и Валеркой, которые ходят в школу, даже интересней играть, но они всегда заняты. Помогают родителям ухаживать за коровой. С Ольгой договариваться очень и очень трудно, как и с Яшкой.

У Ольги и её мамы свой домик с двумя комнатами недалеко от барака. Они живут только в кухне, потому что

дров мало, а подбирать уголь на линии взрослым не разрешается. Отец у Ольги работает в какой-то экспедиции, которую послали на десять лет разведывать золотые места. Так говорила маме тетя Катя. У них живёт большой мальчик, который учится в школе, потому что в его деревне школа маленькая. Вася вырос, а школа ему стала мала, как валенки. Вася серьёзный, ему разрешили топить печь, откидывать снег от крыльца. Он умеет рисовать. Игорь сколько раз пытался нарисовать коробок спичек, но вышло криво и косо, хотя очень старался. Коробок видел только раз, потому что спички дома в бумажных пакетиках. А к ним прилагалась «чиркалка».

Вася показывал, как правильно держать карандаш, как размечать рисунок тонкими штрихами. Игорь идёт мириться, чтобы встретиться с Васей и ещё раз попытаться нарисовать домик с деревьями и скворечником. Игорь представляет свой рисунок, даже скворцов видит, которые сидят на ветке, но карандаш не хочет рисовать, как нужно. Вася показывает им с Ольгой буквы и цифры. Ольга запоминает сразу названия букв и важничает, а Игорь отвлекается, потому что буква «О» походит на баранку, а буква «Д» на домик.

Вася не пришел из школы, а Ольга сидела на сундуке у печки, баюкала куклу с фарфоровым лицом взрослой тёти, а не ребёнка. Кукла тоже «куированная», привезённая из далёкого мира, который называется «Ленинград».

— Тише, — зашипела девочка, как вода на горячей плите, когда, раздеваясь, сбил с кадушки ковш. — Я только ребёнка успела укачать, а ты опять пришел пьяный. — Так обычно говорит тётя Аня, когда её муж идёт с работы,

пошатываясь. Он всегда улыбается беззубым ртом и всем (даже большим девочкам) даёт конфеты «подушечки». Игорь понял, что Ольга в хорошем настроении, не сердится за вчерашнее. Игорь включился в игру. Нужно быть осторожным, потому что любое слово может её обидеть, и она начнёт всё швырять и плакать, как тётя Галя, когда получила извещение. Игорь теперь знает, если кто увидит такое письмо, то обязательно плачет, а это, значит, что кого-то убили на войне.

Мама говорила, что у Ольги дистрофия – это заболевание, потому что она «куированная из блокады», её нужно оберегать. Он не знал, как быть «куированным», но предполагал, что это очень страшно, ведь тётя Катя рассказывала, как их пароход бомбили на озере, как бомбы сыпались, хотя на пароходе был нарисован большой красный крест. Плакали дети и кричали родители, потому что были убитые и очень раненые. Ольга, хотя и была маленькая, но всё видела и слышала. Он точно знает, что если на вагонах нарисован красный крест, то бомбить этот эшелон с ранеными немцы не должны. Это запрещено во всём мире.

Игорь нашел клочок бумаги и свернул бумажную трубку, похожую на папиросу. Ольга отложила куклу и сказала, что видела в сундуке пачку табака.

— Я тебе немного дам, и ты покуришь по правде.

Вдвоём подняли трудную крышку сундука. Ольга перевесилась через край.

— Раньше был полный, — перебирала Оля вещи.

— Наш сундук мама порубила в печку, — мальчик рассматривал чужую одежду совсем немного, а потом от-

вернулся. Ольга кряхтела и что-то бормотала, как старушка на вокзале. Она медленно свалилась в сундук. Игорь успел валенки с ногами удержать. Побарахтавшись, девочка затихла, а потом, молча, показала овальный предмет. Это розовый со всех сторон пряник. Ольга куснула его, сморщилась.

— Не жевачий, — со слезами в голосе протянула предмет. — Попробуй ты.

Игорь осторожно сдвинул зубами чужую вещь, ощутил холодок мятного вкуса и вернул девочке драгоценный предмет. Было время, когда матери, объединившись, пекли на листе круглые пряники, выдавленные стаканом, но о муке давно забыли, сахар видели на вокзале у пассажиров, когда ходили собирать комочки угля и заходили к родителям.

— У меня тоже не откусывается, — вздохнул Игорь, — но крошки сладкие.

— Железный он будто, — девочка трогала пальцем что-то во рту. — Я зуб вывихнула пряником. Опять выпадет и этот. Возьми его себе. У тебя зубы не выпадучие. Ты его обгрызёшь как-нибудь. У меня третий зуб отпадает.

Игорь обрадовался подарку, но вдруг задумался. Будет не справедливо, если станет грызть чужой пряник только потому, что у тебя зубы ещё не выпадают. Ольга не виновата, что она из блокады и плохо питалась, а от этого и зубы у неё начали рано выпадать, а новые - не растут почему-то. Лишь на минуту задумался. Выскочил в тёмные сени, оставив пряник на крышке сундука. Надо спешить, ведь Ольга могла передумать и кинуть пряник в сундуковую темноту. Всегда говорит одно, а через корот-

кое время утверждает другое, а потом ещё и спорит, не желая признавать шибки.

— Ты зачем эту взял? — набросилась она, как кошка, увидев у Игоря странную железку. — Не какую. А вот эту.

— Она никому не нужна сегодня, — твёрдо сказал мальчик, стряхивая перед печкой кусочек снега.

— Она от папиного паровоза. Он приедет с войны и спросит: «Где, Оля, моя железа?» А что я скажу? Ну что я ему скажу?! Ответь, — грозно наступала девочка. Игорь знал, что Ольгин отец никогда не был железнодорожником, но молчал, боясь рассердить подругу.

— Ты правильно говоришь? Она такая хорошая и крепкая, что сломать её никто не сможет. Даже ты. Постучи. — Ольга взяла холодную железку и чуть не уронила себе на валенок. — Положи на место, — приказала она.

Начинается. Опять она строжится. Хочет, чтобы я ей подчинялся, как Сашка. Игорь принялся терпеливо объяснять, что если пряник завернуть в чистую тряпку, а потом постучать по нему железкой или ещё чем-нибудь тяжелым, то пряник наверняка разломается.

— Понимаешь? Железка вся железная, а пряник был из теста. Пряником никогда не сломать железную железку. Она будет целая.

— Ага. Пряником я зуб свернула. Значит, и папина железка сломается. Пряник ещё с «довойны». Я его в кармане нашла маминой кофты. — Ольга схватила Игоря за руку и принялась отнимать железку. — Отнеси! Это папина! — визжала девочка так, что у него заложило одно ухо. В другое бы время доказал этой несносной Ольге, что же-

лезка не от паровоза и даже не от железной дороги. Рассердившись, швырнул её к порогу. «Пусть себе думает, что хочет, пусть бережёт, если думает, что она отцова». Игорь стал осматривать комнату, ища подходящий предмет, который можно использовать для измельчения окаменевшего пряника.

— Если ты ещё будешь так визжать, тебя утащит к себе страшный сапожник, — сказал Игорь. — Он на станции в маленьком вагоне сидит. Видела?

— Я твоей маме скажу, она тебя опять в угол поставит. ...А чтоб ты меня не пугал сапожником. Ты его сам боишься.

— Чего мне его бояться, если он мой друг. — Игорь соврал и задумался. Пряник можно раздолбить печным кружком, но он в саже и горячий. А это что такое? Точильный камень. В самый раз. Молотком было бы лучше, но идти домой Игорь не хотел. Собрав кусочки пряника, он залил их тёплой водой из чайника и принялся размешивать. Ольга смотрела на Игоря совсем не так, как раньше. В её больших зеленоватых глазах светилось уважение и внимание. Такой Ольга ему нравится. За этот взгляд простил её глупую выходку. Почувствовал себя умным и сильным, способным защитить слабую девочку от мальчишек и собак. Мальчишки сами её боятся. А вот чёрная собака. С чёрной собакой он не в ладах. Когда с Ольгой, то не боится на неё наступать, а без Ольги, старается пройти мимо, оглядываясь.

Попробовав мутную, но ароматную жидкость, Игорь протянул Ольге кружку. Она аккуратно взяла её двумя ладошками с синими прожилками, став при этом

вдруг какой-то беспомощной, жалкой, но очень красивой. Сделав несколько глотков, девочка радостно разулыбалась и благодарно посмотрел на Игоря.

— Ты всё пей. Тебе надо... — хотел сказать, что она больная, о ней нужно заботиться, но раздумал.

— Теперь ты пей. Мне так вкусно, что спать захотелось. Я уже не могу допить. Надо, чтобы нам было поровну.

Игорь удивился. Это говорит она — хитрюга и задавака. Сегодня Оля такая удивительная, добрая и ласковая, как Тоня Туманова, взрослая девочка, угощавшая его на горке жмыхом. Конечно, он поделился с Ольгой. Иначе как? Тоня ходит в школу. Он видит её только на каникулах или когда она идёт по воду. А с Ольгой они всегда вместе. Каждый день.

— У нас теперь будет пряничная кружка. Как захотим, так нальём воды и попьём, — говорила девочка.

САНКИ

Дети долго ели суп из капусты и картофеля. Игорь завязал концы старой шали у девочки за спиной, и они вышли на улицу. На высокой горке за баракком был Яшка — толстощёкий пацан в ярко-коричневой шубе — его братья и сестры. Игорь знал, что их много, но не мог сказать — сколько. До войны они жили в городе, а отец завёдовал парикмахерской, но зачем-то большая семья приехала на станцию. Игорь знал, что Яшка даже сёстрам ничего не даёт. С ним никто не делится и не играет. Ольга захотела прокатиться с горки на санках, но санки были у

Яшки. Игорь не хотел, чтобы Ольга просила санки. Он договорился с мальчиками, чтобы и они ничего и никогда у него не спрашивали.

— Пойдём к нам, станем, картинки из журналов выстригать, — предложил, а девочка, как обычно, настаивала на своём.

— Я хочу прокатиться. Попроси у него санки.

— Пойдём. Я тебе что-то покажу. ...Он не даст санки. Никому не даёт. Давай сами сделаем себе, — эта мысль давно пришла к Игорю, но боялся начинать, думая, что санки не получатся. А теперь решился.

— Ты совсем не умеешь их делать, — сказала Оля.

— Не умею. Мы - вместе.

— Мы такие санки сделаем, что всем хватит места.

— Можно будет за бакулками ездить, чтобы печку топить.

Мальчик знал из чего можно сделать санки. Надо только пойти к столовой и взять ящик. Ящиков за столовой всегда много. Но они чужие, хотя валяются. Их ломают на дрова, чтобы варить вкусный гуляш и сладкий компот с разными фруктами. Если повезёт, то в стакане можно найти урюк, а косточку расколотить молотком. Случается так, что все усилия оканчиваются не очень хорошо — ядрышко оказывается горьким. Жалко, что мамы их водят в столовую очень редко, говоря, что это непροстительная роскошь. Но, на какой-то праздник они ели удивительное блюдо — гуляш. Это ничего, что тётя Катя разделила одну порцию им на двоих. Ему хватило за глаза. Два кусочка мяса тайно положил Ольге в тарелку, когда она отвернулась.

Он понимал, что придётся на Ольге жениться, потому что они много раз спали вместе. Игорь точно знает, потому что слышал от взрослых, что когда спят вместе, то обязательно поженятся или поженились. Конечно, ему хотелось жениться с Тоней, но теперь ничего не поделать. Она такая взрослая, ведь учится в третьем классе, а он ещё ни в каком.

А вот почему рожаются дети, он ещё не выяснил, но у него есть предположение. Не случайно, тётю Аню Соломину — Валькину и Славкину маму увезли на большую станцию с большим животом, а потом, когда привезли, живот куда-то делся, но у неё возник мальчик Витя. ...Его не обманешь, понимает, что детей нельзя находить в капусте. Потому что им там очень плохо, если сразу не найдут. У тётки Кати и Ольги в огороде росла капуста, но детей никаких не было. Они хорошо искали. Тогда ей рассказал о тёткином животе и странном появлении малыша.

— Живот был, а мальчика не было, живота не стало — Витька появился. Значит что? Капуста тут ни при чём.

Ольга согласилась и предположила, что дети сначала греются в животе матери. Она заверила, что когда вырастет, то всё узнает и расскажет ему.

Они старательно выбирали подходящий ящик. Дощечки должны быть ровными и без трещин. Почти все ящички сломаны. Игорь стал отрывать нужные дощечки, но это оказалось очень трудно. Гвозди связаны друг с другом проволокой. Если долго крутить проволоку, она нагреется, а потом сломается. Это Игорь знает давно. Однажды Валерка сказал, что нагреет кусок проволоки без

огня. Можно даже пальцы обжечь. Игорь не мог поверить, что без огня его проволока станет горячей. Валерка спрятал руки за спину, а через некоторое время, попросил прикоснуться пальцем. Странно, — подумал, — как это холодная проволока обожгла палец. Что же Валерка делал за спиной? У него не было спичек. Рассмотрел кусок проволоки и заметил, что её сгибали и плохо выпрямили. Тогда начал быстро сгибать и разгибать проволоку, коснулся пальцем — проволока нагрелась. Этот фокус он показал Ольге. Она ничего не поняла, и целый день слушала Игоря, не переча ни в чём. Когда он ей показал, как делать проволоку горячей, Ольга стала прежней. Игорь решил, что девочек нужно удивлять, тогда они не психуют и не капризничают. Даже маленький Витя затихает и перестаёт реветь, когда Игорь показывает ему картинки из учебников.

Дощечек набралось уже четыре штуки. Игорь вдруг увидел, как Ольгино лицо остановилось. Он взглянул на дорогу. От столовой шел на своих тонких костылях сапожник. Ольга кинулась за сарай. Игорь замер с очередной дощечкой в руке. Ему показалось, что он укоризненно посмотрел своим ужасным лицом. Не выдержав скопившегося страха, кинулся за Ольгой.

— Мама говорила, что унёс к себе двух неслухмяных девочек, — сказала она, вытаращив и без того большие глаза.

— Я видел. — Ольга окаменела. — Как он их нёс, а они... — соврал Игорь и поверил себе. — Они кричали на всю станцию. Он всегда утаскивает...

— Не говори мне больше так. Я боюсь.

— Ты большая. Ты помыла посуду, а я вытирал. Он нёс вот таких вот, — Игорь показал руками, каких девочек нёс сапожник.

Делать санки оказалось трудно. Холодные дощечки не хотели пилиться, ржавые гвозди не забивались в сырое дерево.

— Почему они такие гнучие? — спрашивал Игорь, вытаскивая гвоздь.

— От снега сгнили, — предположила Оля, глядя в окно. — Мне нужно домой, а то мама станет искать.

— Она мимо пойдёт и за тобой зайдёт, — сказал Игорь. — Мне нужно тебя провожать от чёрной собаки, а печку нельзя оставлять одну. Мама сказала, чтобы я не бросал её. Подождём немного, когда сгорят дрова, так я поведу тебя, а лучше давай поедим каши с молоком. Нам бабушка молока прислала круглого. Ты пробовала круглое молоко?

— Я ещё не такое пробовала. Когда я была большая, всегда покупала мороженое в стаканчике. Если бы у нас был сахар, его можно смешать с молоком и со снегом, тогда получится мороженое. Ты, правда, не пробовал мороженое? А я так тыщу раз. Миллион раз.

Игорь хотел доказать ей что она не могла пробовать это мороженое в стаканчике миллион раз, но передумал. Открыл печную дверцу и принялся длинной клюкой заталкивать горящие поленья подальше. Вдруг горящий кусок дерева выпал на пол и задымил. Игорь спокойно взял в руку совок и принялся поддевать головёшку. Ольга заволновалась, схватила кружку, набрала воды и вылила на выпавшую головню. Поднялись клубы пара. Игорь за-

бросил в печку мокрый кусок дерева. Кто её просил? Он уже несколько раз ронял головёшки, но всегда ловко подцеплял их и отправлял в печь. Он хотел закричать на неё, но, увидев испуганные глаза, вспомнил рассказ тётки Кати о том, как зажигательные бомбы падали на пароход, как люди их тушили, сбрасывая в воду. Он бы не испугался, а она... Она была очень маленькая, — подумал он, беря из тонких пальчиков тяжелую кружку. Оля стояла не двигаясь. Игорь взял её холодную руку и потянул к печи, чтобы она погрелась. Тут он вспомнил, что в лампе нет керосина, а мама забыла её заправить. Надо зажечь лампу. Тётя Катя обязательно зайдёт.

— Ты поддержи руки вот тут. Очень горячо.

Оля посмотрела в трещину печи, увидела огонь и дрожала. Тогда обнял её за плечи и прижал к себе, как это всегда делала бабушка, когда ему было плохо.

Пришли мамы, начали мыть и варить кишки. От вонючего пара нечем было детям дышать. Их отправили на кровать, укутали одеялами, открыли дверь. Незаметно уснули. Не видели, как кишки порубили с луком и перловой крупой, наполнили сырые кишки и поместили в духовку. Игорь смутно помнит, как сонную Ольгу собирала тётка Катя домой, как девочка хныкала.

— Оставь ты её, пусть спит, — говорила мама Игоря.
— Утром они поедят.

— Васька один, нужно его покормить. Нельзя оставлять. Могут забраться мародёры, — возражала тётка Катя. Игорь, услышав страшное слово «мародёры», понял, что плохие люди могут Ваську надрать, и унести пряничную кружку.

Как только в комнате стало светло, Игорь принялся строить санки. Он поел вкусной кишковочной колбасы с картошкой, прислушивался к скрипу двери, которую мотал ветер. Обычно её закрывал на крючок, как только уходила мама, но сегодня ждал Ольгу. Она пришла. Принесла кусок хлеба. Они ещё поели колбасы. Хлеб оказался горьким. Игорь с трудом его глотал, а Ольга пояснила:

— Это - Васькин хлеб. Он тебя угостил. У них в колхозе дают горькую муку, а его мама печёт такой хлеб. У нас на станции хлеб не горький, но кислый.

— Такого хлеба много не съешь, — сказал повзрослому Игорь, приколачивая последнюю дощечку. Ольга принесла поясок от матеиного платья.

— Санки должны всегда быть с верёвочками. Мы покатаемся. Я положу поясок обратно. — Убеждала Оля Игоря и себя в том, что они ничего плохого не делают.

Дети вышли на улицу, повесив на дверь замок, как говорит бабушка — «от честных людей». Санки получились большими и удобными. Их легко тянуть за поясок. На горке катался Яшка и ещё несколько мальчиков. У одного была ледянка, а второй скатывался на самокате — это такая согнутая штука, на которую можно становиться ногами, а держаться нужно за дугу. Два других мальчугана ждали очереди. Увидев Игоря и Ольгу, они внимательно осмотрели санки, показали место, где горка была полита водой. Придерживая санки, Игорь помог сесте Ольге, с трудом уместился сам. Мальчики принялись их толкать, но ледяное покрытие оказалось очень тонким, а полозья узкими. Санки врезались в горку и не хотели катиться. Игорь понял, что нужно слезть, чтобы Ольга мог-

ла покатиться вниз. Но и одна девочка докатилась только до середины. Игорь вытянул санки на вершину горки, попытался с разбегу скатиться вниз. Ничего не получилось. Мальчики начали подсмеиваться. Громче всех смеялся Яшка. Он придумал дразнилку и стал её распевать во всё горло:

*Жених с невестой поехали за тестом.
Санки застряли, тесто украли.*

Игорь бросился за Яшкой, чтобы дать ему хорошенько.

— Пусть смеются, — остановила его Ольга, — они же дураки без санков. Пойдём на дорогу, там твёрдо.

Они не любили Яшку, не здоровались с его мамой и отцом.

— Когда наши папы приедут с войны, они Яшкиному отцу все ноги повыдергают, чтобы не шлялся со своей портфелей, — говорила девочка, глядя, как Игорь второй раз привязывает поясок.

— Нужно крепкую верёвку, — сказал мальчик с ледянкой. — У меня длинная верёвка. Как-нибудь отрежьте кусок, чтобы вам хватило.

Ольга попыталась перекусить прочную верёвку, но не смогла.

— У Славки есть складник, а он ещё в школе, — сказал Игорь. — Идти домой за ножом придётся.

— Мне пора, — сказал обладатель длинной верёвки, — меня может заругать брат. Это его ледянка. Я должен спросить.

Игорь помнил, где хранится бельевая верёвка. Можно отрезать небольшой кусок, мама не заметит. Санки нуждались в ремонте. Ольга пыталась прокатить по дороге Игоря, но сил у неё хватило на несколько метров. Ей помогала Валя. Санки окончательно развалились. Он понял, что нужно забивать длинные гвозди, нужно усилить крепление полозьев, чтобы они не подгибались.

— Нужно всё делать по-другому, — сказал Игорь, заметив, что всегда бледное лицо девочки порозовело. Она радостно улыбалась.

— Всеравно мы сами их сделали. — Говорила она счастливо. Валя завидовала. У них были салазки, но очень тяжелые и большие. Её братья — Славка и Валерка возили на них бакулки от пилорамы, а кататься на них трудно. Они как-то пробовали, но металлические полозья глубоко врезались в горку.

— Валя, я сделаю другие санки. Надо мне доску. Мы будем скатываться с горки втроём.

— У Славки есть доски, — радостно сказала Валя. — Пойдем в сарай.

— Зачем тебе доски? У нас есть санки. Ты поремонтируй немного, чтобы они не раскорячивались на дороге, — горячо заговорила Оля, видя, как Игорь намеревается идти с белокурой тихой Валею за досками в тёмный претёмный сарай, которой стоял перед баракком. В нём Соломины держали корову, кур. Охранял их пёстрый Шарик, умевший громко лаять.

— Игорь, у меня замёрзли ноги, потому что я начерпала снег.

— Я тебе говорю, чтобы ты штаны натягивала на валенки. Иди, а мы сейчас быстро сходим.

— Я замок не открою. Открой мне.

В самый неподходящий момент Ольга вдруг замёрзла. Игорь не мог понять, почему она не может открыть замок. Раньше всегда открывала.

— Мы быстро, — сказала Валя, пытаясь успокоить разволновавшуюся отчего-то девочку. — Пошли с нами. Игорь выберет доски для санков.

— Я могу простыть и опять заболеть. Никому не скажу, что Игорь не открыл замок, чтобы я погрелась. Идите, — печально проговорила Оля. Игорю показалось, что она вот-вот заплачет. Вздохнув, зашагал к бараку. За ним пошли девочки. Двери Бабушкиных и Соломиных напротив.

— Пойдём к нам играть, — предложил Игорь, снимая тяжелый замок.

— Мы сейчас пойдём к нам, — строго проговорила Оля. — Вася занимается, ему нужна тишина, а вы будете кричать и ему мешать.

— Идите, — скривила от обиды полненькие губки Валя. — Я же хотела как лучше, говорила она, помогая Игорю обмести снег с валенок. Ольга вдруг выхватила голик и плавными движениями стала обметать пальто Игоря, сшитое из дядиной шинели. Валя поднялась на своё крыльцо, своим веником старательно подметала снег со ступенек.

— Я и ваше крыльцо подмету.

— Уж не стоит. Мы сами без тебя, правда, Игорь?

С Вале́й он чувствует себя почти взрослым. Она всегда поддерживает его, а когда вечером играют всем баракoм в прятки, прячется с ним. Когда их случайно находит водящий, то старается «вaдить» вместо Игоря, но быстро уступает, если он идёт к стене сарая, чтобы говорить: «Раз, два, четыре пять, я иду искать, кто не спрятался, то я не виноват». Не спорит и не кричит, если что-то ей не нравится. У неё нет красивой куклы, зато она сама шьёт платья для своей одноногой «дочки». Раньше они никогда не ругались, — подумал Игорь. — Началась с того случая, когда купались в ручье за огородами. Валя сказала, чтобы он снял трусики, потому что они намoкнут, мама узнает, что купался, обязательно заругает или поставит в угол. «Не стесняйся, я тоже сниму», — сказала тогда Валя. А Оля не стала снимать плавочки. Они барахтались в мутной воде, потом грелись, лёжа на песке. «Зачем ты всё время смотришь на Игоря?» — спросила Оля. «И ты смотришь», — сказала Валя, переворачиваясь на спину. «Так нельзя девочкам купаться! — воскликнула Оля, — Ну вас. Делайте, как вам нравится. Я никому не скажу. Эх вы, предатели», — тихо проговорила она и вдруг заплакала.

— Пусть так, — сказал Игорь, видя, что Оля закрывает дверь на крючок.

— Ветром не станет стучать.

— Мы быстро сделаем санки и пойдём на улицу.

— Ты с ней лучше не играй. Она плохая.

— Хорошая. Она с нами играет.

— С тобой играет, а я не хочу с ней играть. И ты не играй. ...Потому. Незнаю почему. Валька со всеми маль-

чишками играет, а я — только с тобой. Значит, и ты должен только со мной играть. Больше ни с кем.

— Что тут такого? Мы же соседи.

— Я же не играю ни с Ванькой, ни с Петькой. Они тоже соседи наши.

— Так играй. Кто тебе не разрешает? Мама? — удивился Игорь.

— Ничего ты не понимаешь. Я ведь жду, когда начнётся день, когда ты придёшь к нам. Я только тебя жду и ещё маму. Папу я совсем забыла, но тоже жду. Незнаю как тебе объяснить, чтобы тебе было понятней. Когда вырастешь, тогда и я стану большая. Тогда тебе всё будет понятно.

Он делал санки и думал над словами Ольги. Она сидела спиной к печи, закутавшись в шаль, и молчала. Валька бы подавала дощечки, искала отлетевший гвоздь, а Ольга только смотрит, а могла бы нажарить картофельных пластиков. Печка не остыла. Делать санки одному не очень просто. А даже трудно. Игорь терпеливо забивает гнучие гвозди, выпрямляет кривые. Вот он опять ударил себя молотком по пальцу и хотел заплакать от боли, но, вспомнив слова дяди Григория, потерпел, сдерживая слёзы. А он говорил: «Ты не девичьей породы».

ЗНАКОМСТВО

Только на следующий день Игорь доделал санки. Ему никто не помогал. Валя — нянчилась с малышом. «Когда Витя уснёт, — пообещала она, — я приду на горку». Он только сошел с крыльца Соломиных, как увидел

Ольгу. Брюки у неё натянуты на валенки, а старая белая шаль делала её голову неестественно большой. Он пошел ей навстречу, но она прошла мимо, сделав лицо строгим и независимым. Ему надо было идти дальше к мальчишкам и девчонкам, катающимся с железнодорожной насыпи на кусках картона, но почему-то побрёл за Ольгой, волоча санки. Неожиданно она остановилась и строго спросила:

— Ты ходил к ней?

— Ходил, но Валя водится с малышом. Как он уснёт, так она выйдет на улку.

— Я же тебе говорила, что она плохая? Мы должны играть только вместе.

— А кто станет с ней играть? — удивился Игорь.

— А хоть кто. Хоть Яшка, хоть Колька, хоть Ванька.

А только не ты.

— Ты запрещаешь мне играть с Ваней и Колей?

— Играй, но когда я болею.

— Значит, с ними можно, а с ней нельзя? ...А с Юлей? А с Тоней?

— Играй. У Юли конопушки и всегда под носом мокро. Тоня уже большая, но она почему-то даёт тебе конфеты и угощает жмыхом. Лучше ты с ней тоже не водись.

— Почему ты всё время командуешь? Почему я всегда должен тебя слушать?

— Потому что мы с тобой жених и невеста, — прошептала девочка и оглянулась.

— Ты у меня спросила? Я согласен быть женихом твоим?

— Твоя мама и моя - так решили. Я слышала.

— Тётя Катя шутит, когда так говорит, а ты веришь.

— Твоя мама говорит, когда я прихожу: «вот и твоя невеста пришла».

— Ну и что из этого. Взрослые всегда так говорят, чтобы было смешно, а не по правде.

— Давай тогда по правде?

— Ты лучше садись, я прокачу тебя.

Санки не застревали. Игорь вёз Олю, не заметил, как от станции из-за чайной вынеслась кошева. Свернуть ей некуда. По сторонам дороги высились сугробы. Возчик что-то кричал, но шум поезда и громкий гудок заглотили все другие звуки. Состав шёл напроход. Что-то сильно толкнуло мальчика в плечо. Он упал лицом в снег. «Ну, я ей задам, — вскакивая, решил мальчик, но увидел лежащую на снегу Ольгу и стоящего на дороге одноногого сапожника, грозившего кулаком куда-то вперёд. Его лицо было в коричневых пятнах. Ноги у Игоря онемели. Ольга уже бежала к бараку.

— Не горюй, — сказал молодым голосом сапожник, — будут тебе новые салазки.

Игорь поднял пояс. Он был целым, а санки раздавлены сильной и злой лошадьё. Он посмотрел в лицо сапожника, но уже без страха. Гудел маневровый паровоз на станции, визжал под костылями снег. Прошли две женщины в промасленных брюках. Горячая вода плескалась в ведрах. Протаивались дымящиеся дырочки. Игорь знает, что брать паровозную воду нельзя, но все берут, стирают бельё, купают ребятишек, потому что вода мягкая. Когда их однажды по очереди купали с Ольгой, он попробовал воду. Вода оказалась ни мягкой, ни жесткой

— просто водяной. Он быстро перестал думать о воде и начал думать о новых санках, ведь сапожник пообещал, но может быть и забыл. Взрослые забывчивы, пообещают взять в кино, купить чёрный фруктовый чай, который вкусно грызть, сидя на полу вагонклуба, куда они тайно проскальзывают с братьями Соломиными, чтобы посмотреть кинофильм о смелом разведчике. А дети ничего не забывают, ну разве что заправить свою постель или помыть посуду. Игорь решил проверить — помнит ли сапожник о санках. Пообещал в горячах, а тут же и забыл.

— У вас доски есть? — спросил Игорь.

— Доски. А мы без досок.

— Без досок. — Скрывая радость, притворно удивляясь, сказал мальчик.

— А что. Это просто. Хотя не делал, но видел.

— И они с горки поедут, и не будут застревать?

— Само собой.

Мальчик посмотрел в лицо сапожника, и ему показалось, что оно и не страшное вовсе, а только не очень красивое. «Он же добрый и, наверное, хороший».

— Мне папа сам бы сделал санки, но ему некогда. У меня санки не получились. Горка в них застревает. Если я Ольгу катаю, они не подкашиваются, а как я сяду, так раскорячиваются в разные стороны. Приходится всё время выпрямлять.

— Пока твой отец доколачивает фашистов, мы делаем самые лёгкие и прочные салазки. Часто пишет?

— Совсем не часто, — подавляя вздох, Игорь глядел на костыли. Ему хотелось говорить с этим человеком, идти рядом с ним. Где же Ольга? Куда убежала. Поясок на-

до отдать. Некоторое время они шли молча. Встречные люди смотрели на них. Кое-кто спрашивал: «Евсееч, как там мои ботинки? Сапоги весной ещё походят?» Мужчина отвечал весело и уверенно. Игорь догадался, что сапожника зовут «Евсеечем». Фамилия это или имя такое, а может быть, только отчество. Словно угадав его мысли, мужчина сказал:

— Меня можешь звать дядя Стёпа, хотя какой я дядя. Мне всего-то двадцать два года. Тебя дома не хватятся?

— Мама на работе. Я к ней хочу зайти, но она не любит, когда прихожу на вокзал. Я никогда не прошу в буфете ничего, но она всеравно ругается. ...Алла Петровна Бабушкина. В кассе в билетной работает. Один? Нет. С Ольгой. Её мама стрелочница. Она — тётя Катя. — Игорь ещё ни с кем так хорошо не разговаривал. Мама не разрешает ничего брать у чужих, запрещает рассказывать о чем-либо, что касается семьи. Семья у Игоря большая. У него есть бабушка, которая иногда приезжает, привозит вязанные варежки и носки, передаёт с дядей Ваней круглое холодное молоко. Дядя Ваня недавно приехал с войны, работает на паровозе кочегаром. Из его шинели бабушка с мамой сшили ему пальто. Изо всех паровозных гудков Игорь помнит гудок дядиваниного паровоза. Когда он его слышит, радостно спешит на линию, чтобы увидеть его, но мама запрещает ходить на станцию и залезать к нему в паровозную кабину. Но к сапожнику заходить она не запрещала ещё. Он хотел рассказать, что у него есть дядя Григорий, который работает агрономом в колхозе, а ещё есть тётя Тася — она работает библиотекарем, а вот тётю Женю, он не помнит, но знает, что она скоро должна

приехать из дальнего города, где работает на восстановлении железнодорожных путей. Она и тётя Варя редко присылают письма. Когда эти письма мама получает, то читает ему вслух и пишет ответ.

Незаметно пришли в мастерскую Степана Евсеевича. Игорь решил побывать немного у него, чтобы убедиться, что сапожник, в самом деле, хороший человек, не сможет его обмануть и обязательно сделает санки. Он уже потрогал колодки, подобрал с пола два кусочка блестящей кожи. Он хотел, чтобы Оля и Валя видели, как он запросто разговаривает с ним о разных делах. «Ольга умрёт от зависти и страха, — подумал, и представил, как она умирает, и ему сделалось грустно. Он видел, как хоронят. Недавно осенью умерла Люба — тихая и красивая девочка. Он играл с ней, когда гостил у бабушки. Её семья жила за стенкой. Её папа ходил на работу в шинели и с большой саблей. Он много раз трогал саблю, когда тот спал. Люба не дразнилась, никого не обижала. Она жила, и зачем-то умерла. Он не мог понять зачем она это сделала. Он её не обижал. Очень любил с ней играть. Её положили в ящик. Она лежала и не вставала. Игорю сделалось очень грустно, когда ему сказали, что пора проститься. Он не умел прощаться с Любой, но почему-то подошел и поцеловал её в лоб, который был гладкий и не тёплый. Чтобы как-то забыть свою печаль, обратился к сапожнику, но забыл его имя.

— Дядя, а почему взрослые говорят, что папа пропал без вестей? Врут же? Я — совсем не верю. Только что-то долго писем нет. Мама читала старые письма, но я понял, что-то не так.

— Бывает всяко — не до писем. И нельзя писать. Может, в госпитале. Я ж тоже долго не писал, когда по госпиталям меня возили. Пройдёт время, и он напишет. Я бы тоже писал, но некуда писать. Сожгли наше село. Тут я и остался.

Игорь узнал, что Евсеевич воевал на танке и несколько раз его подбивали. Последний раз танк загорелся, его вытащили подоспевшие танкисты. Вот почему он выглядит некрасиво. Руки у него тоже раненые и в шрамах. Но ловко работает ножом, вырезая из кожи подошву, выдаёт входящим железнодорожникам валенки и сапоги. Все его называют уважительно — Евсеевич. Никто не говорит — Степан.

Игорь увидел веник и принялся подметать пол, как он всегда делает у себя дома. Сора в мастерской мало. Никто не выстригает из старых журналов картинки, не пытается делать снежинки из конфетных фантиков. Он быстро навел порядок, сел в углу у печи и долго смотрел, как дядя Степан прокалывает шилом отверстия, потом зацепляет концом, на котором есть маленький крючок, дратву и осторожно протягивает чёрную от вара нитку. Он прикинул, что смог бы так работать, но не был уверен — получится ли ровным шов. У Ольги валенки продырявились. Она затыкает носок тряпкой, чтобы не попадал снег. Входят люди, замечают Игоря и даже пытаются с ним заговаривать, но он молчит и не берёт протягиваемые кусочки сахара. Сахар лежит на столике у топчана, где на узорном одеяле дремлет чёрный котёнок с белыми лапками.

— Не верь никому. Это те, кто не умеет ждать, придумывают невесть что, не разобравшись, пишут, что пропал без вести. Ты жди. Отец непременно придет, — Евсеевич задумался, а потом добавил: — Скидывай катанки, я им техход сделаю.

— Что-то он долго не едет. Война вся кончилась.

— Это говорят по радио, что кончилась, а война продолжаться будет долго. Ещё прячутся по лесам недобитые враги, устраивают диверсии, — говорил Евсеевич, выбрасывая из валенок стельки, которые мама вырезала, чтобы они закрыли проносившиеся пятки.

К вечеру Евсеевич закончил ремонт второго валенка. Его постоянно отвлекали, принося срочные работы. Игорь самостоятельно навошил короткую нитку и внимательно следил за руками мастера. Он уже решил сделать шило из гвоздя, которым можно прокалывать валенок, а дратву можно укрепить в большой иголке. Вот только где взять обрезки валенок, чтобы выкроить подошву для Ольгиных дырявых пимов? Спрошу у мамы. У Евсеевича не станет просить. Он и так много для него сделал, а ещё больше сделает. Зачем человека донимать пустяками? Это совсем не вежливо.

Можно заглянуть к маме в кассу, но не будет ей мешать, а пойдёт по линии домой, подбирая просыпавшиеся через паровозные колосники кусочки угля. Он затопит печь. Разогреет еду. Мама придёт в тёплую комнату, поест кишковой колбасы, попьёт горячий чай, заваренный сушеными тыквенными ломтиками, которые прислала бабушка. Ломтики можно есть так. Они вкусные, но бабушка их всегда заваривает в чай, добавляет душистую

траву, которую называет — душица. Он оставил ей кусочек горького хлеба из Васиного колхоза. Она не должна сегодня ночью плакать.

ПИСЬМО

Всё утро он думал о предстоящем деле. Ждал, когда мама затопит печь, когда сварит остатки кишкочков ему на обед. Она всё сделала, а он лежал под одеялом не шевелясь, чтобы думала, будто спит. Уходя, мама два раза стукнула дверью в сенях. Он научил её, как делать, чтобы дверь закрывалась сама, и никто не мог войти и унести капусту из бочки, что стоит за дверью, около поленницы дров. Нужно поднять крючок вверх так, чтобы он стоял, как семафор. Потом тихонько выйти на крыльцо и ударить дверью. Крючок сорвётся и упадёт своим клювом в кольцо. Так Игорь закрывал комнату летом, после того как кто-то унёс навешенный замок. Сначала потерялся ключ. Он помнит точно, что положил под нижнюю доску крыльца, чтобы не потерять. Когда пришел, ключа не было на месте, замок висел открытым, хотя дома ничего не пропало. Кто же мог открыть замок, ведь никто не видел, куда прячет ключ. Даже Валька. Когда закрывает дверь, внимательно смотрит по сторонам, если кого-то замечает, то просто начинает играть в песке сам с собой. Люди уходят, дети убегают, он садится на крыльцо, а лишь потом подталкивает под доску незаметным движением ключ. Ключа не стало. Он навешивал замок, не закрывая его. Потом исчез и замок. Он внимательно посмотрел на крючок и попробовал сначала его дёргать ниткой. Не всегда

получалось удачно. Однажды сильно ударил дверь, крючок упал точно в металлическое кольцо. Открыть, подняв его, можно изогнутой проволокой, просунув её в щель двери. А ещё у него есть потайной лаз, которым он пользовался, когда мама закрывала его на замок, чтобы не утонул в ручье, чтобы не катался на вагонетках на старом кирпичном заводе, чтобы не залезал с братьями и ихними друзьями в тамбуры вагонов или платформ, которые таскает по путям маневровый паровоз серии «ОВ», но все на станции зовут его «овечкой», потому что у него несерьёзный блеющий гудок. Строго и басовито гудят «эЛки» — «Лебеди», «эРки» и «эСки», но как гудят «ФЭДэ» — огромные паровозищи — заслушаешься. Так громко иногда сигналият «ИСы». Игорь знает все «паровозные» буквы, помнит как звучат гудки локомотивов той или иной серии.

Когда ему становилось скучно, выходил в сени, поднимал один край доски у стены и выползал на волю. Однажды они взлезли на тормозную площадку, думая, что попали на маневровый, но Игорь сказал Валерке, который его подсаживал, чтобы он мог ухватиться за первую ступеньку подножки, что это не маневровый, гудок другой. «Вагонов-то мало, — успокоил Славка. — Сейчас пока-тим назад». Вагоны миновали стрелку, выскочили за семафор и паровоз начал набирать скорость. Поняв оплошность, Славка приказал срочно прыгать под откос, поджав руки и ноги под себя. Игорь зажмурился, прыгнул с нижней ступеньки первым, за ним попрыгали в разные стороны остальные мальчики. Только второклассник Лёнька Долгов замешкался. У него новенькая рубашка и брючки.

Он боялся их испачкать, но вагоны мчались всё быстрее. Славка и другие пацаны кричали машинисту, чтобы он сбавил ход, а Лёнька, который мог залезть в чужой огород и нарвать огурцов, испугался. Игорь не считает себя храбрым, но старается не подводить взрослых ребят, которые его — малыша — взяли кататься на маневровом. Почему? Потому, что когда катались на вагонетках, ни разу не сорвался. Помогал другим закатить тяжелую тележку на холм, а уж потом мчаться, подставляя лицо ветру. А когда возникла женщина-сторож, побежал коротким путём к забору, в котором отодвигались только две доски. Он бы мог первым выскочить за территорию, но кинулся в узкую щель внизу, представив возможность Славке, тот не пролез бы под забором. Ребята знали, что никому не расскажет ихние секреты, пусть даже опускают с мостков вниз головой, как одного мальчика, который любил ябедничать и подлизываться. Конечно, тётя Аня узнала, что братья курят. Он помогал им собирать на станции большие окурки, чтобы потом добыть табак и завернуть из газеты козью ножку...

...макая химический карандаш в воду, налитую в баночку из-под вазелина, Игорь пишет письмо отцу на фронт. Он об этих случаях уже подробно написал, но вдруг те письма не получил? Он недавно узнал, что писать карандашом — неуважительно. Раньше облизывал сердечко карандаша языком, чтобы получалось как чернилами, а теперь опускает кончик карандаша в воду. Баночку пришлось выменять у Валерки на магнит. А он хотел сделать в баночке два отверстия, вставить ремешок,

чтобы надевать на руку и бить пацанов, живущих в больших собственных домах за переездом. Там Заготзерно, там элеватор, там во всех домах вечером зажигаются ярким светом окна, а у них в бараке, в глиняных мазанках, хаотично построенных временках эвакуированными блокадниками и высланными немецкими семьями, мужчины которых всё ещё были в трудармии, зажигаются лампёшки-коптилки. Было бы ерунда, но пацаны хвастаются своим светом, воображают, будто это они изобрели лампочку, повесили провода на белые изоляторы, в которые стреляют из рогаток Славка и другие мальчишки с окраины.

Магнит отдал потому, что если Славка ударит заготзерновского пацана по щеке крышечкой с острыми краями, то получится большая рана, а значит, тётю Аню опять вызовут в школу, будут предлагать отправить его в колонию для малолетних преступников. Чего там не видел? Всё лето рвёт в колке траву с братом, возят на тачке, сушат на сарае, чтобы получилось сено. Они режут щавель, собирают землянику и грибы. Отец у них кашляет, потому что на фронте отравился каким-то газом, а врачи не могут ничем вылечить. Игоря не берут с собой, когда ходят по свалкам и помойкам, выискивая кости, бутылки и цветной металл. «Зачем тебе цыпки? — спрашивает Славка. — Там запах бывает, что нечем дышать. Заготовитель обещал привезти портфель и рыболовные крючки. Мы тебе свистульку выкупим». «Я не маленький, — обиделся Игорь. — Сам сделаю. Ты меня научил». Свистки у Игоря получаются, но не свистят, а шипят. Стоит Славке сделать прорезь пошире, как свисток обретаёт звук, а если поло-

жить в него сухой овечий шарик, то возникнет звук с переливами.

Игорь написал, как он с Ольгой делал санки, как их сломала злая лошадь, а танкист Евсееч спас, толкнул их в сугроб. Все его считают страшным и боятся, а он мне починил валенки и скоро сделает санки. На танке не ездит, так как был раненый. Он шутит, что костыли в танке не помещаются, а то бы ещё повоевал немножко, задал фрицам перцу. А Валерка и Славка заступались за наших немцев — Ваню и Петю. Их дразнили и хотели бить заготзерновские ребята. Валерка сказал, что это вы настоящие фашисты, а они просто люди, у которых отцы умерли от голода в трудовой армии, а ваши отцы ряхи наедали на элеваторе, продавали отруби на базаре, а не воевали. Они кинулись драться, а мы их победили всеравно, хотя нас было мало. Мы с Ваней хватали за ноги, а Валерка бил их свинцовой железкой в лоб. Даже Валька укусила за палец самого толстого мальчика.

Писать письма трудно. Это, кажется, что вот взял и написал, что хотел. Когда встанешь за табурет на колени, то все нужные слова куда-то деваются. Потом стоишь, и вспоминаешь о чем ещё не писал. Об Ольге написать тоже надо. Она не хочет, чтобы я играл с Валькой, а только с ней. Будто она моя невеста. Тётя Катя пошутила, а она возомнила себе. Может быть, в Ленинграде так принято, но у нас в Шанхае только взрослые девочки и мальчики дружат на лавочке у сельсовета вечером и встречают поезда на станции, чтобы бросать цветы солдатам.

Ты бы приезжал побыстрее, а то мама сменяла твои ботинки на крупу, а пальто я не дал сменять. В чём то-

гда тебе ходить в чайную, если нет пальто. А в пальто тебе будет тепло и красиво. Он бы мог написать о том, как Яшка обманул Ольгу, предложив ей конфету. Никто из наших ребят не играет с ним и ничего у него не берёт и не просит. Если бы я видел, как он это сделал, тогда бы я ему так дал, что запомнил. Валя рассказала, что он подозвал её и протянул конфету, но потом раздумал. А сам развернул бумажку и золотинку и стал есть. Ольге достал из кармана другую конфету. Она развернула, а там кусок глины. Я захотел ему отомстить за подлость. Когда приезжала бабушка, привезла чёрных круглых конфет. Я вышел на улицу и подумал, что Яшку надо проучить, Вдруг увидел это. На поляне перед баракom играли в футбол старшие мальчики, а все смотрели и бегали за мячом, если он улетал за поле. Я стал всем давать конфеты. Яшке только дал одну. Он сунул её в рот и стал жевать. Я махнул рукой и высыпал ему в ладонь ещё несколько конфет и козьи шарики, которые увидел. Они похожи на конфеты. Яшка высыпал их в рот. Вдруг мне стало его жалко. Говорю, чтобы выплёвывал, а он жуёт. Потом заревел и побежал домой жаловаться. Сколько раз обманывал мальчишек, а Ольгу хотел накормить глиной. Славка узнал и смеялся, но сказал, чтобы я шел домой и всё маме рассказал, рассказал, как Яшка пообещает коврижку пацанам. Они его катают на санках по улице, он песни поёт, а коврижку всю съест. «Не обижайтесь, я вам после дам чего-нибудь», — пообещает, а потом отпирается, что ничего не обещал, что его катали за так. Его не били. Боялись отца, потому что тот «сексот». Игорь не знал значение слова, а Валерка ответил: — «Пададь, доносы писал на наших

немцев, которые работали на строительстве этой железнодорожной ветки».

Игорь подумал, что же ещё написать отцу, но ничего не придумывалось. О пряничной кружке написал, о железке не забыл. Забыл написать о магните. Это не просто обкусанная буква «О» из железа, а волшебный предмет, к которому притягиваются иголки, гвозди, пуговицы и всякие металлические вещи. Игорь восхищался удивительными способностями подковы. Подвешенная иголка с ниткой отклонялась, вращалась, прыгала, как живая. Невозможно понять, отчего это происходит. Каждый день он проводил опыты, пытаясь найти практическое применение свойствам магнита, но кроме игры ничего не получалось. Несколько дней он показывал Ольге фокусы. Она восхищенно смотрела на него, стараясь понять, отчего по столу двигается скомканная бумажка, в которую Игорь завернул гвоздик. Игорю надоело дурачить девочку и он раскрыл свои секреты. Ольга сначала удивилась, а потом обиделась, но когда сама приступила к опытам, то настроение у неё поднялось, она хлопала в ладоши и смеялась громко, что Игорь забеспокоился — такого с ней ещё не было. Поиграв магнитом, девочка обнаружила, что и ножницы стали притягивать к себе иголки и гвоздики. Игорь понял, что свойства магнита могут передаваться, как простуда. Они уяснили, что есть металлические вещи, которые не реагируют на магнит. Вилки притягиваются, а большая белая кружка не желает прилипнуть. Белые копейки просто прыгают к магниту, а жёлтые не двигаются. Почему такое происходит, не ясно. Ольге надоело выяснять взаимоотношения вещей и предметов с подковкой, а

Игорь был так увлечён, что девочка, оставшись без внимания, засобиралась домой.

Он вспомнил, что мама всегда обводила его растопыренные пальцы, чтобы отец видел, как он вырос. Он свои пальцы обводит постоянно. У него стало хорошо получаться. Он даже подрисовал ногти. Вышло очень даже не плохо. Надо было попросить, чтобы отец привёз с войны складной ножичек с отвёрткой, шилом, штопором и ножницами. В следующий раз он непременно попросит.

В комнате стало совсем темно и холодно. Под полом скреблись мыши. Слева за стеной в угловой комнате стучали чем-то тяжелым. « Дрова рубят — догадался мальчик. — Утащит ихняя большая девочка доску где-нибудь и рубит её мать, а может быть, высокий дядя в тулупе с фонарями, который у них иногда ночует. Боится на улицу выйти, вот и рубит на пороге. Когда у него будут санки, обязательно отправится со Славкой и Валеркой на пилораму за корой, а в столярку за щепками и бакулками. «Надо только не спать и мух не ловить, — говорит Славка, - тогда будешь с дровами, запасёшь хоть на сто зим».

Мальчик сложил письмо треугольником и задумался: «Куда должны деваться письма? Как они попадают на фронт? Он подошел к своей кровати и поднял край матрасика. «Так и есть. Письма никуда не делись. Какой я ещё глупый!» — он вытащил все письма к отцу на фронт. Набралось их порядочно. Он каждое письмо заталкивал между матрасов и досками, не проверяя, отправились они к адресату или всё ещё лежат. Значит, отец их не получил. Игорь бросил письма на пол и сел рядом. Он бы мог заплакать, ругая себя за несообразительность. Чтобы сказал

отец? Он не слышал его голоса, не видел, как смывает с себя угольную пыль, приехав из поездки. Он только знает, что у него есть отец, он воюет с фашистами. Если кто-то на фронте, нужно обязательно писать тому человеку письма. «Такой закон. — сказал Славка. — Он должен знать, что его помнят и ждут».

...С Ольгой ходили к сельсовету. У двери висит голубой ящик с прорезью. Они не могли втолкнуть письмо в щель. Не доставали. Тогда он взял Ольгу и поднял повыше, чтобы смогла дотянуться до ящика. В нужный момент у него разжались руки. Письмо упало на крыльцо. Можно было кого-то попросить, но никого не было в коридоре. Игорь взобрался на высокие перила крыльца, встал, но до почтового ящика рука не доставала. «Залезай мне на плечи, — сказал Ольге, — Держись за руку. Где письмо?» Письмо лежало на полу. Он хотел наклониться, но вдруг подумал, что Ольга может упасть и разбить лицо. Игорь взялся за перила, велел ей слезть и посидеть, пока он поднимет письмо.

...Ну и что. Пусть бы он затолкал их туда, отец всеравно бы не получил их. Кому нужны такие письма, которые и сам не может прочесть?

— Что же ты плачешь? — Спросила Алла Петровна.

— Не плачу, а злюсь, потому что я дурак.

Женщина взяла треугольник. В полумраке не могла разобрать, что написано, каков адрес отправителя. Ей показалось, что письмо пришло с фронта от мужа. Но знала, чудес не бывает. Зажгла спичку. Фитиль коптилки покрылся огнём. Только тогда увидела закорючки и тёмные пятна. Она собрала белые треугольники, горько вздохну-

ла, прижала к себе голову мальчика, думая, кем вырастет, по какой дороге пойдёт. Станет ли машинистом паровоза, будет ли строить дома или научится управлять самолётом.

Они поели жидкой перловой каши, погасили копилку. По потолку скакали огненные драконы и летали птицы. Прошел ещё один день в жизни матери и сына.

— Кто тебе валенки подшил? — спросила удивлённо Алла Бабушкина.

— Евсееч. ...Да. Я был у него в мастерской. Мы с ним познакомились сегодня. Научился наващивать драгву. Он в танке воевал, а фашисты его ранили всего. Он молодой и красивый.... Я увидел его фотокарточку, где он с мамой своей.

— Какой же он красивый?

— Он добрый и справедливый. — Игорь хотел рассказать, как на них чуть не наехала бешеная лошадь, а Евсеевич спас, но раздумал. — Я тоже научусь так валенки подшивать скоро. Он, правда, красивый. Ему только двадцать два года. Тебе туфли сошью и тёте Кате и Ольге — всем. Бабушке тоже. Только папу не встречал на войне. Ему некуда ехать, потому что его маму и брата сожгли в сарае.

НА ОКРАИНЕ ШАНХАЯ

Фиолетовые тени от сугробов легли на дорогу, проходившую вдоль линии и кривой улочки, начинающейся двумя приземистыми многоквартирными бараками. Если идти дальше, то можно придти к новой школе,

сельсовету и магазину. Около водонапорной башни стоит вокзал, обсаженный тонкими деревцами. Напротив вокзала чайная. Эта территория называется то Шанхаем, то Нахаловкой. От неё дорога сворачивает на переезд через линию, за которой большой посёлок с ровными улицами, большим магазином, столовой и огромным элеватором.

Часть станции называют «Заготзерно». А всю станцию называют Заринка. Подходя к семафору требовательно прогудел паровоз. Эшелон с укрытой техникой шел долго, не останавливаясь. Из труб теплушек стелился дым. Около пушек на платформах стояли солдаты в белых тулупах с маленькими винтовками, которые Славка называет карабинами. Эшелон прошел, и земля перестала дрожать, но стало холодно. Возов с сеном не было. Мальчишки ушли делать уроки. Игорь бы тоже ушёл, но Ольге захотелось прокатиться до самого переезда.

— Лучше возьми мой старый крюк, который я делал вчера, — сказал Игорь, выглядывая из-за сугроба. — Верёвочку сразу не отвяжешь.

— Отвяжу. — Заносчиво сказала Ольга.

— Почему такая упрямая? Ей хочешь, как лучше, а она не понимает.

Из-за берёзового колка появились возы с сеном. Они приближались. Заиндевелившие лошади, опустив понуро головы, тянули сани. Их было немного — три или четыре. На переднем возу сидел кто-то в серой шубе и не шевелился. Скрипел снег под полозьями, и скрипела упряжь.

— Не высовывай голову, — приказал Игорь. — Я цепляюсь первым, а твою верёвку буду держать. Если что, сразу убежим.

— А я хочу сама, — надула губки Оля.

— Как знаешь.

Дети лежали на новых, плетёных из ивовых прутьев салазках и ликовали. Вот проехали первый барак. Игорь сказал, что ему пора домой, но Ольга сказала, что доедет до чайной или до вокзала. Перед переездом у него разогнулся крюк.

— Так тебе и надо! Так тебе и надо! — завопила девочка, глядя, как Игорь встаёт с санок и бежит за возом, сгибая проволоку. Вдруг увидел стоящего мужчину в шубе, и закричал: — Ольга! Отцепляй! Возчик идёт!

Девочка соскочила с санок и принялась развязывать узел. Он понял сразу — вытянула петлю. Воз медленно приближался к стоящему мужчине. Девочка рвала свою верёвку, но та не отрывалась. Игорь вспомнил, как вечером случилось также. Возчик забрал санки и не отдал. «Нужно выручать эту противную».

— Давай перережу верёвочку, — сказал, подбегая Игорь. Он уже схватился за шнур и раскрыл ножичек — подарок дяди Степана.

— Не трогай! — закричала Ольга, отталкивая Игоря — Это мои санки. Мне сделал Евсееч. Я всё твоей маме скажу.

— Сейчас тебе возчик вольёт бича и заберёт санки.

— У меня и так короткая, — ныла девочка, не давая резать верёвку, — Он уже пришел, — с криком Ольга кинулась в вокзалу, а Игорь понял, отчего ожгло щеку. Он

упал, не выпуская ни верёвки, ни ножичка. Лошади встали. Игорь вскочил на ноги и увидел лицо возчика. Оно выглядело просто пятном. Не различались ни глаза, ни рот, ни нос. Розовое пятно. Ему страшно захотелось сделать этому несправедливому человеку неприятность. Такую неприятность, чтобы запомнил на всю жизнь. Он вдруг произнёс страшные слова, которые были в Шанхае хуже всякого ругательства.

— Ты — дезертир, — тихо произнёс Игорь. Возчик оторопел. Его лицо стало бледнеть. — Тебе жалко прокатиться. А у неё отца убили, а ты тут детей бьёшь, как фашист. Ты — фашист. Вот кто ты. — Игорь впервые назвал взрослого человека на «ты».

— Тебя задавит, а кто будет отвечать? — возчик размахнулся бичом. — Бросай ножик, поганец. Вот тебе за фашиста, вот тебе за дезертира.

Игорь лежал за санками, перерезал верёвку, снося удар за ударом. «Пусть бьёт, — думал Игорь, — Я ему это припомню. В другой раз узнает».

— Ты это чего, — набросилась проходившая почтальонка на мужчину. — Выпил, так и храбрый. А ну прекрати.

Игорь знал, что самые смелые и сильные люди — это почтальонки. Они не боятся ни злых собак, ни пьяных людей. Они носят сумки в мороз и метель в дождь и в жару. Они плачут со всеми, когда приносят плохое письмо. Возчик оттолкнул маленькую женщину с чёрной сумкой на боку так сильно, что она упала с дороги в снег. Мальчик перерезал верёвку и хотел встать, прикрываясь сан-

ками. Раздались женские голоса: «Все письма рассыпались. Тонька что-то не встаёт. Убил!»

— Так нельзя, земляк, — раздался голос Евсееча. Игорь вскочил, и тотчас с него слетала шапка, а губы занемели и стали опухать. Он увидел, как сапожник вырывает кнут и забрасывает в снег. Женщины поднимают почтальонку, выбирая из снега письма.

— Ах, ты, обезьянин, — разъярился возчик и пнул валенком по костылю. Евсеевич упал, а краснолицый сел на него и стал бить по лицу голыми руками. Игорю стало страшно и больно за дядю Степана.

— Нельзя бить по раненому лицу! — кричал мальчик, поднимая костыль над головой. На секунду увидел Ольгу. Она держала санки и плакала. После первого удара костылём у возчика свалилась шапка, но он, не замечая, продолжал бить лежащего Евсеевича. Целясь в самую макушку, Игорь сильно размахнулся. Возчик взвыл, хватаясь за голову. Сапожник вывернулся и начал тыкать носом в лошадиный сор краснолицего, приговаривая прерывистым голосом:

— Нехорошо, земляк, обижать детей.

Собралось много людей. Милиционер с саблей арестовал возчика и Евсееча. Лошадей оставили на дороге, а Ольгу увела мать вместе с его санками к себе в дежурную комнату. Опоздавшие женщины расспрашивали друг друга, пытаются понять, что же случилось вечером в Шанхае.

— Какой-то шармач, напал с ножиком на сапожника.

— Конюх заступился за детей, которых сапожник хотел избить.

— Вот он бандит. Маленький, а хотел «бастрьк» перерезать. Жиганёнок.

Игорь не обиделся. Он равнодушно пошел домой, волоча на крюке Ольгины салазки. Хотел пойти спасать дядю Степана, но почувствовал, что очень болит глаз и опухшая губа. Лаяли собаки. Над элеватором стоял столб света, упирающийся в самые звёзды.

Проходя мимо киоска, в котором летом продавали хлеб, Игорь услышал сдавленный смех и знакомые голоса. Он обрадовался, останавливаясь.

— Рассказывай, — ободряюще, похлопал по плечу Славка.

— Какой он из себя? — спросил Валерка, садясь на скрипнувшие санки.

— Немного его не запарол. Вот шкет, — ввернулся между Игорем и Славкой пацан в бушлате, в сапогах; цыркая через щербину слюной, сказал: — Фраер этого бичом чешет, а он идёт на него со складником.

Игорь его часто видел у магазина, на вокзале, но не знал, где тот живёт, кто его родители, почему у него нет школьной сумки, как у других больших мальчиков.

— Почему ты не заступился? — спросил строго Славка, затапывая окурок валенком.

— Не успел, блин горелый. Танкист припрыгал. Рыжий его сразу сбил с ног. Шкет костылём по дыне три раза наячил. Тот заблажил, а танкист его мордой в дерьмо. Забрал их мильтон в дежурку, а потом отпустил.

— Как всё стряслось? — встал Валерка с саней.

— Я прицепился к возу крюком, а Ольга не захотела дать мне свою верёвку, а привязалась к возу. Затянула

петлю, когда возчика увидела. Я хотел перерезать складником верёвку, а она не давала. Потом, когда возчик стал меня хлестать, я его обозвал дезертиром и фашистом. Ольга побежала звать Евсеича. ... У неё отца убили.

— Она не знает? – вздохнул Славка.

— Пусть думают, что отец скоро вернётся, — сказал Игорь печально.

— Ты считаешь? — Валерка тряхнул свою сумку, принялся что-то искать, — Предлагаю, ... а ты иди домой, Игорёк. Ты правильно сделал, что так обозвал возчика. Надо заступаться за своих. Она хоть девочка, но столько пережила. Мы вместе плыли по Ладоге. Бомбили, а кто на палубе был, из пулемётов расстреляли.

— Он тоже наш? — донеслось до Игоря, когда он отошел на несколько шагов. Спрашивал вертлявый:

— Из какого детдома?

— Наш, но только не ленинградский, а местный. Отца у него судили, послали в лагерь, после в штрафбат. — Сказал Валерка.

Игорь хотел вернуться и узнать, что такое «штрафбат», почему отца обсудили. Раздумал. Лицо болело. Узнаю потом, — решил он...

ОБИДА

Руки Игоря замёрзли, но он продолжал чистить картошку, стараясь срезать тонкую шкурку. Мама всегда напоминает Игорю об этом, а он иногда забывает и срезает толсто. «Всеравно же корова съест тётикатина, ей тоже нужен корм, а картошки много — на две зимы хватит за

глаза». Он греет руку у печной дверки, вновь садится на перевернутый табурет. Картошки нужно мыть, но воды мало, помоем потом, когда будет крошить в суп.

Печь растопил сразу, как только пришел. Дрова быстро разгорелись — он сначала положил сухих обрезков от досок и брусков — это называлось на станции бакулками, которые привозит от столярной мастерской. Евсеечу тоже привозил, но он отказался, говорил, что научился разжигать не только дрова, но и вражеские танки, а уж дрова — само собой загорятся.

«Легко и просто — варить суп. Мама вчера вечером поставила вариться кусок кости от коровьей ноги, а сама всё смотрела на огонь в щелки. Утром он поел студень с хлебом, погрыз кость. В обед растопил печку и с Ольгой пили тёплый бульон с поджаренными картофельными ломтиками. Если в остатки бульона насыпать немного пшенной крупы, добавить картошки, посолить, то вполне получится суп. Он видел, что бабушка всегда пережаривает лук и тёртую морковку с кусочками свиного сала. Сало у них кончилось как-то быстро. Он помнит, что в тот день заходила тётя с тремя малышами, попросила хлеба. Он ей дал кусочек — всё, что у него осталось. Она потом долго не выходила из сеней. Там обычно темно, сразу не всегда найдёшь дверь. Надо было после ухода Вальки закрыть дверь и никого не пускать, а он ждал Ольгу. Дверь осталась открытой. Сало было пересыпано снегом и накрыто стиральной доской от мышей. Снег остался, а больше ничего не было в ящике. Лук он покрошит с морковкой и не станет обжаривать в сковородке. Лишняя морока, — подумал, вынимая из шкафа мешочек

с крупой. — Чего её мыть? Она и так чистая. Игорь стоял в очереди. Отоваривали карточку. Раньше боялся идти в магазин или в ларёк. Стеснялся чего-то. Славка всегда заходит за ним. Помогает покупать, складывает хлеб в сумку, а довески они едят. Игорь никогда не жадничает, делится с соседями конфетами, баранками, если привезёт бабушка или тётя Тася или дядя Гриша.

Все соседские мамы готовят летом еду на печках, которые стоят перед бараками. Если у кого-то что-то пекут, то мальчишки и девчонки затевают игру поблизости, ждут, когда их угостят, а Игорь всегда уходит и не стоит над душой, как говорит бабушка. Конечно, пацаны его находят и вручают такую булку или ватрушку, что до сих пор вспоминается. Тётя Аня пекла блины. Славка нашел его на старой платформе, где с Ольгой играли. Подал большой свёрнутый платочком блин. Игорь попросил его разделить на равные части, чтобы Ольга тоже смогла попробовать. Славка ничего не сказал, но блин разделил.

Дядя Гриша всегда привозит шоколадные конфеты, хоть три, но только шоколадные. Осенью Игорь проснулся и увидел, что на полу спит его дядя. Перед обедом он положил перед ним шоколадную плитку в шуршащей «золотинке». Игорь долго разламывал плитку на равные кусочки, чтобы всем было поровну. Взрослые не брали шоколад, выдвигая веские причины, чтобы отказаться. Тогда он отошел от стола и занялся своими делами, рассматривал картинки в новой книге. «Раз вы не едите, тогда и я не буду», — сказал Игорь. Ничего они не могли с ним поделаться, соблазняя кусочком, крошкой. Пока взрос-

лые не съели свои дольки шоколада, он к своей — не при-
тронулся.

Тётенки в очередях всегда его пропускают вперёд, чтобы не замёрз на улице, а стоял в магазине. Мама просит не терять карточки, даже пришила специальный карман с пуговкой. В сенях послышались шаги. Мама научилась открывать крючок железной линейкой. Однажды так уснул крепко, что его не могли разбудить, поэтому выставили стекло и в комнату пролезла Валя, чтобы открыть крючок.

— Где финка? — спросила мама с порога.

— Какая? — удивился мальчик.

— Какой ты хотел убить человека. Мне сказали, что ты напал на возчика, — некоторое время мама молчала, снимая облезшую кроличью шубку. — Это всё сапожник. Его влияние. Я тебя прошу к нему не ходить и не общаться. Ты понял?

— Мама, он не виноват даже. И я не виноват. Это возчик нас бил. Сначала бичом хлестал меня, а потом его. Ты посмотри. Со всей силы по раненому лицу кулаками. Он даже рукавицы сбросил на дорогу.

— Кто же виноват? — опустила на стул Алла Петровна, вытирая щеки.

— Ольга. Она зацепилась верёвочкой, а возчик увидел и хотел санки отобрать. А я хотел верёвочку перерезать, чтобы убежать с санками. Возчик стал меня бить бичом, чтобы я не разрезал верёвку. Ольга позвала Евсееча. Он заступился за нас, чтобы возчик меня и почтальонку не стегал.

— Мне сказали, что тут у нас на станции целая банда. Людей раздевают, избивают и бросают в Чумыш. Главарь — сапожник. Никакой он не танкист, а пострадал, когда загорелась тюрьма. У него собираются шармачи играть в карты. Завтра отдашь ему санки. Нам такие подарки не нужны. Где нож? Давай сюда.

Игорь, чистивший большую картофелину, машинально подал складной ножичек с зелёными полосатыми щечками. Он был такой острый, такой удобный, что картофелины очищались очень быстро. Игорь принёс обломок столового ножа и попросил Евсееча просверлить его, чтобы можно было сделать складник. Без ножа и по грибы не пойдёшь и ветку не срежешь, хотя можно долго крутить, тогда она отломится. А как сделать свисток? Никак. Нужен острый ножичек. Дядя Степан внимательно его выслушал и согласился, волки не станут нападать летом, но грибы лучше срезать, а не рвать с землёй. Он открыл свой сундучок. Игорь отвернулся к окну. «Считай, что тебе подарил на день рождения, — сказал Евсееч и протянул небольшой складной нож. Игорь его радостно раскрыл. Лезвие было острым и сверкало, как зеркало. Пружина тугая, ножичек щелкал, когда его закрывал.

— Точить его пока нет нужды, обращаться нужно очень осторожно, чтобы не поранить пальцы. - Игорь вырезал берёзовые колки — это такие деревянные гвоздики, чтобы пробивать подошвы сапог. Евсееч удивился, видя, как у Игоря аккуратно и точно получаются колки.

Обжигаясь, женщина сдвинула кружок и бросила ножичек в самый огонь.

— Мама, я же не виноват, — вскрикнул мальчик, заглядывая в печь.

— Не мамкай. Что я напишу отцу? Наш сын растёт уголовником, дружит с бандитами, получает от них подарки. Скоро они пойдут подламывать хлебный ларёк.

Игорю стало так горько и обидно — мама не поверила, подарок выбросила, а он старается помогать ей. Варит еду и возит бакулки, ходит в магазин и никогда ничего не просит. Мальчик оделся и вышел в сени, пока мать ходила по воду. Он сидел на санках, оперевшись спиной на бочку с капустой и тихо плакал. Хотя не девичьей породы, но пришло такое время, что не хочешь, а слёзы сами текут от незаслуженного наказания, потому что обида на несправедливые обвинения мамы такая большая, такая глубокая, что невозможно сдерживать себя. «Отец бы разобрался и не стал выбрасывать складишок. Когда же ты приедешь, когда мы встретимся, папа?» Игорю стало так жалко себя, что он незаметно устал плакать и решил уйти от несправедливой матери навсегда. «Уйду и замёрзну, — подумал, представляя себя в деревянном ящичке. — Буду лежать и молчать. Пусть знает, как нельзя обращаться с ребёнком. — Замерзать ему расхотелось; решил ездить на поездах, и ходить по вагонам, выпрашивая что-нибудь поесть. Но и это ему не понравилось. Просить он не любил и не умел. — Лучше я устроюсь кочегаром к дяде Ване на паровоз. Паровозникам дают по нарядам сахар и конфеты, крупу и муку».

Игорь поднял крючок и пристукнул дверь. Знакомой дорогой шел на станцию, угадывая в темноте очертания строений и сугробов. Болели щека и глаз, а ещё ныло

где-то в груди, и было так плохо и печально. «Евсейч поймёт и скажет, как ему жить дальше с такой обидой на мать, — думал он, открывая примёрзшую дверь в маленьком вагоне, где располагалась мастерская дяди Степана Воронина. Евсейч сидел за низеньким столом-верстаком и пил чай из большой кружки. На бумаге лежала начатая буханка хлеба и нарезанная красная селёдка. Игорь рассказал о случившемся. Ему стало немного легче, но обида не проходила совсем.

— Не горюй, — сказал сапожник, наливая в другую кружку кипяток. — Она тоже не виновата. Ей тяжело. Вот она и погорячилась, а у нас такой случай вышел. Маме наговорили на вокзале о нас всякую ерунду. А замерзать — это не по-мужски.

— Ага, — согласился мальчик, макая кусочек сахара в тёплую воду. — Я больше не буду. А только ножичек жалко. Он сгорел ведь.

Не успели они договорить своей беседы, как дверь открылась, в клубах пара появилась Алла Петровна в распахнутой шубке.

— Я с ног сбилась. У Кати была...

— Проходите чай пить с нами, — поздоровался Евсейч, приглашая к столу.

— Я вас просила, чтобы вы не трогали мальчика. Он такой впечатлительный. И не смейте делать такие бандитские подарки. Заберите свои санки.

— Мама, зачем ты так говоришь? Ты хочешь, чтобы я убежал из дома и жил в детдоме?

Женщина сторбилась, и плечи у неё задрожали.

— Это всё вы! — крикнула она и бросилась к двери. Евсееч встал на одной ноге, а потом вновь сел, потянулся к костылю, посмотрел на мальчика узкими щёлками заплавленных от побоев глаз и вздохнул.

— Ешь горбушу с хлебом. Она очень солёная. Будем собираться домой. Вот какой коверкот получился. Она отойдёт.

— Само собой, — сказал мальчик, отрывая плавник.

— Она устала на работе. Вот и сердится на нас. Давай я тебе рыбину заверну в бумагу, а мама её вымочит или суп сварит. Сегодня целый вагон разгружали горбуши. Мне тут грузчики принесли много. Она очень вкусная, но только нужно вымачивать. Зальёшь водой, а утром можешь есть.

— А мы совсем хорошие, но она думает, что плохие. Я вам суп сварю и принесу. Вы только один чай пьёте. Почему же вы не поженитесь как-нибудь. ...Вы не инвалид, вы очень нужный человек. ...Как кому? Мне и Ольге.

КРИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Весна в Шанхай приходила медленно и трудно. Выдавались тёплые деньки, и тогда с крыш бараков капала вода и по дороге сновали стайки воробьёв, которым нравилось копаться в дорожном мусоре. Разговоры о банде грабителей временно утихли. Обсуждали на станции странное событие — на стенах вокзала, магазина, сельсовета и проходной элеватора появились листовки с карикатурами: мужчина в шубе бьёт бичом мальчишку, лежащего на санках. Надпись поясняла: «Конюх сельсовета При-

валов избил сына фронтовика Игоря Бабушкина и инвалида-танкиста, орденоносца Степана Воронова. Позор коммунисту. Он не достоин быть членом ВКП(б)!»

В школе брали образцы почерков. Опрашивали учащихся старших классов. Игорь видел такую листовку и сразу догадался, кто нарисовал её. Конечно, так хорошо мог это сделать лишь один человек. Вася рисовал даже портреты из книг. Привалова не наказали, а Васю хотели исключить из школы. Его возили в район, строжились, требовали, чтобы назвал сообщников, но тот никого не выдал. Братья Соломины собрались за сараями, курили и что-то обсуждали.

Игоря недавно попросили поиграть неподалёку, катая санки, но при появлении милиционера изображать паровоз и свистеть в настоящий свисток. Милиционер не приближался, но к баракам пришли тётки. Одну он видел, выходящей из сельсовета, а две других были незнакомы. Они подозвали его к себе, но он, издавая звуки, трогаящегося паровоза, засвистел в свисток, а лишь потом медленно направился к женщинам. На все вопросы отвечал нехотя, словно ничего и никого не знает. А спрашивали о хулиганах, которые воруют уголь на складе. Были бы тётки по умней, посмотрели бы на трубы и определили в каких комнатах топят дровами, а где чёрный дым, там, в печи горит уголь.

Он пошёл к Ольге. Ветер дул со снегом. Нужно сидеть дома, не высовывая носа. Он набрал самых больших бакулок из своего запаса, который помогли сделать Валерка и Славка. Дров осталось мало. Мальчик переживал, что в комнате будет холодно. Мама опять будет расстраи-

ваться и плакать. До конца весны дров не хватить. Вмешались мальчишки, сказав, что это поправимо, если на пилораме набрать чурочек, а у мастерской постоянно собирать отходы. Пусть не очень переживает.

Иногда Игорь возвращался с пустыми санками, так как бакулки кто-то унёс. Валерка договорился с главным столяром, чтобы бакулки не выбрасывали на улицу, а складывали у двери, а когда они приедут на санках, то уберут все опилки и щепки от станков и верстаков. Пока мальчишки были в школе, Игорь ездил к мастерской. Только ему разрешалось заходить в цех, грузить санки отходами. А один старый столяр положил на санки сколоченный ящичек, помог нагрузить его доверху. Валерка и Славка с другими незнакомыми ребятами укладывали бакулки. Мама обрадовалась, когда увидела, что все сени до потолка заполнены кусками дерева, которые могут отлично гореть, давая горячий чай и суп из капусты и картошки, который почему-то мама называет щи и варит каждый день. Бабушка всегда варит суп из фасоли, из гороха, из пшена, а ещё у неё отлично получаются затируха, молочная лапша, красный суп-борщ и похлёбки с огурцами, с галушками, грибами и клёцками. Она умеет варить кашу из тыквы, парить свёклу и кукурузу, но самая вкусная у неё получается запеканка из картошки с кусочками обжаренного сала и залитая взбитыми яйцами.

Прошлой весной они красили отваром луковой шелухи яйца, бабушка пекла коврижки и тихо их называла особенным словом — «паска». На высокой коврижке она из полосок теста вылепила крестик. Мама уже давно не пекла в духовке ни пирожков с капустой, ни булочек с

повидлом, ни ватрушек с творогом, а лишь иногда приносит из вокзального буфета разрезанную булочку и вставленным кусочком колбасы. Вот и вчера принесла такую булочку. Он разделил её на две части, но мама сказала, что уже поела, когда сдавала смену.

Такая вкусная булочка не повредит больной Ольге, потому что её нужно навестить. Эта вздорная девчонка объелась сосулёк, хотя предупреждал, что нельзя много есть, можно простудить горло. Он съел только одну, и то немного утром было больно глотать. Она съела три. Ей Слава обещал принести из колка берёзового сока, чтобы она не болела. За зиму столько раз лежала в постели. Игорь уже не помнит. Тётя Аня давала ему полбутылки молока, и он нёс Ольге, чтобы она пила горячее. Корова у них вот-вот должна отелиться. Он не знал, что это такое, но был уверен, что Глинские станут жить хорошо.

— Ты сколько раз ещё будешь болеть? — спросил он, снимая с валенок, присланные бабушкой галоши.

— Я уже и не сильно болею. Вот только голова почему-то кружится, и в глазах летают чёрненькие мушки.

— Прогоняй ты их, чтобы не летали. Это тебе не повредит, — сказал Игорь по взрослому, как дядя Гриша, разворачивая крохотный свёрточек. Ольга взяла половинку булочки с ломтиком колбасы тонкими бледными пальчиками. Он отошел подальше к столу, где всегда занимается Вася, чтобы не ощущался запах колбасы. За дорогу он несколько раз хотел остановиться и чуть-чуть укусить мягкую белую ароматную булку, но не остановился, потому что знал — эта булочка её спасёт от смерти.

— Давай пополам, — сказала девочка, приподнимаясь на подушке.

— Ну, тебя. Я объелся вчера. Мама приносила пять штук, и сегодня Евсееч угощал.

— Врёшь ты всё. Денег у вас нет. Евсееча в больницу увезли. У него рана открылась.

— Не вру. Только пошутил. Разве теперь нельзя с тобой пошутить? ... Не хочу что-то. Правда, я ел. А это тебе.

— А я карточки нашла, — сказала тихо Ольга. — Они были в валенке. Они провалились из карманчика.

— Ты теперь не умрёшь?

— Зачем мне умирать, если ты пришел.

Он хотел сказать, что слышал, как мама и тётя Аня разговаривали на крыльце про Ольгу, что у неё критическое состояние, что она такая слабенькая, что даже может и умереть, потому что весной обострение. Но спросил:

— Ты не сильно болеешь?

— Я ответила, что не болею.

— Ты сказала, что нашла карточки, что они провалились в валенок.

— Наверно, забыла, — призналась Ольга. — Я стала часто забывать. А тебя помню всегда и не забываю. Я ждала, когда ты придёшь. Я слышала, как скрипела ка-литка, как ты носил бакулки в сенки. Я всё слышала.

Раньше никогда не признавала ошибок. Такой честной она всегда ему нравится, но как только начнёт спорить, хитрить и обманывать, а то и кричать, то лучше собраться и уйти.

— Я шел к тебе и придумал игру. Будешь играть? ... Только никому не должна про неё рассказывать. Нико-

му, — глаза у Ольги заблестели, как у лисёнка, — скажи честно-пречестное слово. Никому?

— Никому. — Повторила девочка.

— Победит тот, кто знает больше плохих слов. Говорим по очереди. — Игорь надеялся на лёгкую победу. Этих плохих слов наслушался на станции, у чайной, от тёток, что живут в другом бараке, которые часто выпивают пиво и водку в чайной. А ещё он слышал такое... Это когда Славка и Витька поспорили, что Игорь победит, перебегая дорогу перед автомашиной, которая едет на вокзал или к сельсовету. Игра называлась «пересекушки». Надо было бегать до тех пор, пока останется один игрок, способный последний раз пересечь дорогу. Игорь никогда не побеждал, потому что считал эту игру глупой. Но тогда неподалёку играла в классики с девочками Тоня, ему хотелось, чтобы она обратила внимание на него, а тем более, на него поспорил Славка за пачку фруктового чёрного жевачего чая. Он бегал со всеми, но не торопился, зная, что нужно экономить силы для завершающих рывков перед автомашиной. Полуторка приближалась. Всё меньше ребятшек оставалось на дороге. Теперь их трое. Они устали и бегают медленно, глядя, как приближается грузовик. Выбывает один игрок. Вот сделал вид, что захромал Петька. Игорь рванулся вперёд. Он один. Можно успеть ещё раз, но его останавливает Славка. Тоня видит, что он сегодня победил. Грузовик остановился. Открылась дверца, им радостно машет рукой шофёр: «Все идите сюда, я вам дам конфет!» — зовёт, лезет в карман. Игорь делает шаг, но Славка говорит: «Стой. За что же он даст конфеты? Подумал. За такое конфеты не дают». Водитель руга-

ется и раздаёт подзатыльники, треплет за ухо Петьку. Славка разломил об кирпич выигранную пачку на несколько кусков. Самый большой обломок отдал ему. Теперь Игорь думает перед тем, как ему предстоит сделать не очень хороший поступок.

А Тоню он видел два раза. Она шла из школы и помогла ему довести санки с бакулками. Как-то вечером на горке, когда было светло, Тоня три раза прокатилась с ним на санках. Она обнимала его руками в пушистых расшитых белых варежках, а ему почему-то хотелось, чтобы горка не кончалась, и они ехали долго-долго. Её дыхание он ощущал у себя на щеке. Пришла сестра и позвала её домой. Он стоял на вершине горки и грустил. Тоня хотела ещё раз прокатиться, но раздумала и сказала, что скоро они уедут домой, когда начнутся каникулы и поцеловала в щёку. Зачем это сделала, — думает Игорь, вспоминая её губы, пахнувшие чем-то неизвестным и приятным. А если он поцелует Ольгу, ведь она тоже девочка, как и Тоня? Надо попробовать.

Ольга совсем не знает плохих слов. Долго вспоминает, думает, спотыкаясь. Иногда называет слова, которые не могут быть плохими. «Тварь, гадина, сука, шушера, паршивка, сволочь, падла вонючая, зараза, шалашовка, дерьмо жёлтой курицы, подзаборница, лярва, блатячка, спекулянтка, трепло, дезертир, паразитка, дрянь, курва, сектантка, тифозная вошь, падаль, фашист, корова колобкова, стюра базарная, сопля зелёная, — говорит Ольга после каждого его слова.

Дети не услышали, как стукнула дверь и вошла закутанная в клетчатую шаль почтальонка, погладила Ольгу по голове и положила на стол письмо.

— Такие бы письма я носила всю жизнь. Не заиграйте. Отдайте маме.

Когда женщина вышла, Игорь взял треугольник и хотел раскрыть, но Ольга запретила:

— Получишь от своего папы, тогда и открывай. Вы тоже получите завтра, — заметив состояние своего приятеля, Ольга предложила: — Давай отомстим Лариске. Ихняя корова у вас стекло выдавила боком.

— Как? — спросил мальчик без особого интереса.

— Как-нибудь. Придумаем. Я выздоровею насовсем. Мы им покажем этим парикмахерам. Мы её испугаем, — обрадовано сказала девочка, вытаращивая свои серые глазёнки.

— Когда же ты выздоровеешь?

— Хоть сейчас. Но лучше завтра.

ПЛОХОЙ ПОСТУПОК

Каждый день мама Яшки ходит в столовую за обедами. Об этом знает вся станция, но уже не удивляется никто. В тот день точно по расписанию Лариска — высокая женщина с нарисованными бровями в красной вязаной шапочке и в коротком пальто вышла с сумкой и алюминиевыми судками из первого барака, где только у них было две комнаты. Игорь и Оля ещё вечером сделали из пустых ящиков убежище. Как только за женщиной закры-

лась дверь, забрались в него и затаились, сдерживая дыхание.

— Как выйдет, сразу толкаем и кричим, — сказал Игорь, втягивая носом ароматный воздух. — Вот бы хлеба с маслом, как тогда на Новый год. Тебе хочется?

— Не очень. Нам Славка целую банку принёс берёзового сока. А тебе?

— Немножечко.

— Ты видел во дворе чайной бочку? От неё вкусно пахло. Я забыла тебе сказать.

— Тихо. Идёт. — Испугавшись криков и грохота падающих водочных ящиков, жена заведующего столовой уронила сумку и судки. Дети прибежали к Игорю в комнату, закрыли дверь на крючок, спрятались под кроватью и лежали на щелястых досках, ожидая прихода милиционера, который обязательно их найдёт и отправит в страшную тюрьму, куда обычно увозят непослушных детей. Он почему-то не шел. Дети успокоились и до сумерек играли, устроив под кроватью дом с кухней и спальней. Игорь уже несколько раз уходил и приходил с работы, приносил вкусные конфеты и печенье. Провожая его, Ольга махала рукой и он, прощаясь, обнимал и целовал её в губы, как это делал дядя Петя, приезжая из поездки. Ольга сначала отворачивалась, а потом согласилась, что так будет намного лучше играть, потому что как взаправду. Потом они ужинали. Ольга рассказывала, как вели себя дети, что они поливали в огороде. Игорь раздевался и ложился спать. Ольга мыла и убирала в шкаф посуду, подметала пол, встряхивала половички у порога. Она ложилась к нему в кроватку, и они слушали дыхание друг друга, тесно

прижавшись, не понимая, отчего так волнительно и тревожно.

— Придётся нам пожениться, — обречённо сказал Игорь, поправляя одеяло за спиной у девочки.

— Уж придётся, — согласилась Оля. — А что теперь делать? Мама может не согласиться, мне надо будет пасти корову и телёнка. ...Если вместе, тогда хорошо. А где я буду спать? ...Да. Вдвоём всегда тепло.

В размышлениях и планах на будущее они заснули.

Проснулись от запахов. Мамы готовили ужин и разговаривали о том, как поймали Ларису на крыльце столовой. Она упала и уронила из сумки ворованные продукты.

— Ничего им не будет, — сказала мама Алла.

— Воровство.

— Скажут на суде, что купили, внесут деньги за продукты.

— Считаешь, что отвернутся? — удивилась мама Катя. — Семья у них большая — шестеро. Яша — старший. ...Приёмный. Усыновили мальчика.

— Больной он. Лечили. В школу не возьмут.

— А меня? — не выдержала Ольга.

— Проснулись? — удивилась тётя Катя.

— А случайно не видели мальчика и девочку, которые натянули верёвку на крыльце чайной, а тётя Полуднева запнулась и упала? Не видели?

— Ничего мы не натягивали, — сказала Ольга, одеваясь. Игорю стало неловко и почти стыдно, будто его уличили в чём-то очень нехорошем, ведь они уснули без

маек, а это, наверно, должно наказываться. Хорошо, что Ольга не согласилась снять плавочки.

— Говорят, что женщина подвернула ногу из-за вас. Ей оказали в медпункте помощь, — сказала мама Алла, помешивая что-то на плите.

— Рассказывайте, а мы решим, что с вами делать. Поставить в угол или сдать в милицию.

— Мама, вспомни, как осенью ихняя корова забралась в сенки и стала есть капусту. Мы с Игорем её выгонять, а она так раздулась, что выдавила стекло. Тётя Алла просила «парикмахеров», чтобы вставили. ...Ну тётю Ларису. Они сказали, что не знают ничего, а корова у них всегда дома. Тётя Алла позвала дядю Генриха Альтергота, чтобы он вставил окно. Мы хотели корову угнать далеко, чтобы они поискали, а Игорь сказал, что корова не виновата. Мама, а почему дядю Генриха зовут Старый Бог? Это дразнилка?

— Так переводится с немецкого языка его фамилия, — сказала мама Катя.

— Я говорил. Он старенький, но мне сделал ящик, чтобы возить много бакулок, — вмешался Игорь.

— Зубы не заговаривайте. Вы, какое имели право пугать женщину? Она могла сломать ноги, а у неё шестеро детей и муж, который только думает о себе, а не о семье. Придётся вам, дорогие пугальщики, идти к Полудневым и просить прощение.

— ...Извиняться, — добавила мама Катя.

— Лучше бы поставили в угол, — сказал Игорь, выбирая угол за печным обогревателем. — Я не стану к ним ходить, потому что мы не дружим с Яшкой.

— Я тоже не играю с ним. — Говорила Ольга, вставая рядом.

— Наказание ещё нужно заслужить. — Сказала мама Алла, ставя на стол парящую кастрюлю с чем-то ароматным. Игорь заметил, что ложка у мамы, когда она мешала, была облеплена чем-то белым.

Через некоторое время Игорь понял, что Ольга устала стоять. Она покачивается с ноги на ногу. Тогда прошептал ей в ухо: «Попроси прощения. Они тебя выпустят. ...Я не буду просить прощения, потому что мы не виноваты, что Лариска воровала мясо и конфеты и её теперь поймали. Нет. Ты первая скажи, а то я попрошу за тебя».

— Простите Олю. Это я придумал и сделал из ящиков нору и как завыл, так она и упала, — сказал глухо Игорь, глядя на стол. Мама Катя что-то наливала в стаканы, отчего они перестали быть прозрачными. В комнате было светло. Это тётя Тася привезла ламповые стёкла. Но Игорь не мог рассмотреть, что наложено в чашки, а только предполагал, что это толчёнка.

— Не обманывай. Это я придумала, что надо напугать её. А ты согласился и сделал в ящиках домик.

— Оля, ты девочка, твоя вина меньше, потому что без Игоря ты бы не смогла участвовать в этой акции. Надо её выпустить. — Сказала мама Катя, бросая в печь куски дерева.

— Оля, выходи, а Игорь, как мужчина, будет отвечать за двоих, — проговорила мама Алла, хотя он понимал, что его маме жалко, но она не хочет, чтобы он вырос шармачом и жиганом.

— Нет, — заупрямилась Ольга. — Я тоже буду стоять, я тоже кричала и виноватая. — Игорь стал потихоньку вытеснять её со своей территории, но девочка сопротивлялась. Постояв немного, Ольга почувствовала, что ноги у неё не слушаются и немеют.

— Что делать? Выходите оба.

Странную белую кашу называли «манной». Игорь попросил добавки, а Оля не осилила порцию, зато какао пила с большим желанием. Мамы ели квашеную капусту с чёрным хлебом, потому что каши им не хватило. Тётя Катя намазала на хлеб остатки Ольгиной каши и сказала, что это бутерброд с белой икрой. Какао хватило всем. Игорь однажды положил шоколадную конфету в чай, и у него получилось такое же какао, но тогда не знал, как можно назвать свой напиток.

Утром Игорь и Ольга пошли к чайной. Бочка оказалась на прежнем месте. От неё приятно пахло. Игорь подставил ящик. Ольга первой встала на него и подняла край тряпки, лежащей сверху. Она попыталась дотянуться до содержимого и не смогла. Игорь палочкой поводил в жидкости и облизал конец. Они облизывали палку, пытались понять, что же находилось в бочке. Игорь сбегал домой и принёс кружку и бечевку. Опустив кружку на бечевку, добыли немного жидкости, выпили по несколько глотков. Стоящие около бочки дети завистливо смотрели на счастливых. Игорь дал попробовать мальчику из соседнего барака и его сестре. Ольга принялась расхваливать вкусную водичку. Подошли ещё два малыша.

— Даёте нам что-нибудь, станете пить эту воду, — сказала она. Мальчик порылся в карманах и подал две

винтовочных гильзы и длинный гвоздь. Ольга спрятала гильзы, а гвоздь выбросила. Игорю стало почему-то стыдно, и он сказал:

— Тебе что воды жалко?

— Пусть они нам дают что-нибудь, а ты будешь доставать им вкусную воду. ...Мне совсем её не жалко. Они нам ничего не дали.

— Надо делиться. Бочка не наша. Они наши.

— Делись. Это моя бочка. Я её нашла. Тогда и тебе не дам водички.

Игорь растерялся от такого высказывания. Ольга сказала, что и ему не даст воды. Он сначала растерялся, а потом подошел к ящику, на котором стояла девочка.

— Отдай гильзы Лёньке.

— Не получит. Он выпил уже.

— А эти мне самой нужны. И тебе нужны.

Игорь выхватил бечёвку, свернул её и положил в карман. Дети обступили его, предлагая «сокровища».

— Давайте нарвём подснежников и пойдём на станцию раздавать солдатам, — предложил Игорь, глядя на Валентину.

— Я знаю, где много цветов растёт, — обрадовано сказала Валя.

Дети дружно пошли по тропинке к ручью. Впереди шли Игорь и Валя. Ольга вдруг наигранно рассмеялась. Закричала громко и призывно:

— Обманули дураков на четыре кулаков. Я по шутке. Пейте, кто сколько хочет. Вот твои патроны. Бери. Мне сто лет не нужны.

ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ПОСТУПОК

Ольга опять заболела, потому что опилась огуречного рассола. Старенькая тётя Маша Кошкина, боясь замёрзнуть, начала надевать на себя белый халат, хотя в кухне было жарко. Осмотрела худенькое тельце, послушала, прося девочку дышать и не дышать. Игорь ушел в комнату листал Васиной учебники. Тётя Катя плакала, сморкаясь и, причитала:

— Где же взять это усиленное питание, Мария Фёдоровна? Корова отелилась, а молока ещё мало.

— Гемоглобин низкий. Поднять поможет гречка, свёкла, — Игорю показалось, что услышал слово «шоколад»...

«Шоколад нужен всем, — подумал, но вот где его взять. В вокзальном буфете продают конфеты, пирожки, пончики, булочки с колбасой и сыром, а вот шоколадных плиток он не видел. Нет шоколадок и в буфете чайной. Нужно будет сходить в столовую Заготзерно и в магазин».

— Какао — хорошо, но натурального трудно найти, — сказала врач Кошкина, снимая белый халат. — Организм ослаблен, а весной ещё нехватка витаминов сказывается.

Игорь тихо вышел на улицу. Может быть, Ольга и не умрёт, если достать шоколад. Как его достают. С какой полки. Дядя Гриша где-то покупал большую плитку, но где? Игорю представились большие шоколадки, они лежат кучами, все кто хочет, может брать. Он вдруг вспомнил, что в сундучке у дяди Степана видел нечаянно

обёртку от плитки. А если это настоящая шоколадка? Евсееч давно бы предложил или поделился. А если спросить? Он и так столько много хорошего сделал для него и Ольги. И что может подумать? Нужно рассказать о том, что она больна, а вылечить её может только плитка настоящего шоколада. Поверит. Сначала нужно посмотреть, а потом спрашивать, — решил он, направляясь к вокзалу. Если шоколадки есть в столовой и в магазине Заготзерно, то уж тётя Катя не стало бы огорчаться.

Нужно узнать всё точно. Обычно ходили на чужую территорию группой. Не ждать, когда из школы придут братья. У небольшого базарчика Игорь увидел мальчишку в бушлате. Он разговаривал с маленьким человеком на тележке, который играл на гармошке. На фуфайке заметил белую медаль и орден, такой же, как у отца.

— Шкет, иди семечек дам, — позвал мальчишка, широко улыбаясь лягушачьим ртом. — Подставляй карман. У тебя козырная шинель.

— Из дядиваниной. Мама перешила. Фронтвая. — Сказал гордо Игорь, чувствуя, что мальчик его уважает и вполне может заступиться, если загозерновские пацаны станут цепляться.

— Ты чо смурной? — спросил паренёк, глядя ему в лицо бесцветными глазами.

— Ольге нужен шоколад, потому что какой-то гемоглобин упал. Врачиха сказала, что она в критическом состоянии, — потерянно сказал Игорь и вздохнул.

— Какая Ольга? ...Стрелочницы тёти Кати. Вон кто.

— Она из нашего детдома. Мы вместе ехали. Не бери в голову. Придумаем что-нибудь. Она бледная всегда.

Видел, как вы цветы носите к эшелонам и дарите солдатам. Им бы махорки, а что подснежники — муть голубая. Нужно снабженцев пощупать. У них всегда американский шоколад есть. А сколько надо?

— Незнаю, — ответил мальчик. — Не говорили они. ...Может умереть. Я бы не хотел.

— Ей нужно побольше морковки и лука есть. За зиму двое наших умерло.

— Она не любит, а я ем. Он хоть горький, но полезный. ...Мать её заставляла. Плачет, а не жрёт. Такая она непонимающая. ...Шоколадку съест. Само собой.

— Шоколад меняется на самогонку и на «мохнатую халву», — сказал мальчишка и подмигнул. Игорь не видел, куда гонят самогонку и не мог представить, как может выглядеть «мохнатая халва».

Игорь побывал в столовой, которая была побольше чайной, зашел в магазин, в котором пахло конфетами помадка и конской сбруей. Шоколадок нигде не оказалось.

— Может тебе чёрной икры банку дать? — спросила продавец, показывая золотые зубы.

— Ольга болеет. Этот самый упал, а его поднимать надо. ...Ге-мо-гло-бин, — кое-как выговорил мальчик. Женщина перестала смеяться.

— Рыбий жир пусть мать достаёт. Тут предлагал один барсучий жир. Да я его не запомнила. Пассажир.

Игорь зашел в мастерскую Евсееча, но там набралось много людей. А если плитка окажется настоящей? Лучше честно рассказать, а дядя Стёпа поймёт. А может быть, ему плитка тоже нужна. Он был недавно в больнице. Врач ему тоже велел шоколад есть, чтобы поправить-

ся. Евсееч большой, а Ольга маленькая. Если она умрёт, то, что будет с ним? с кем ему придётся жарить картошку и мыть посуду. Игорь не любит это занятие, а у неё это получается хорошо. Валя хорошая девочка, но с ней скучно. Она соглашается с его предложениями, всегда готова выполнить любую его просьбу. Это хорошо, но иногда так надоедает, что Игорь просто злится от её покорности. Она никогда не спорит, отстаивая своё мнение, не предлагает новую игру. Валя не кричит на него и не требует, чтобы он делал так, как ей хочется, считая, что всегда права только она. И то и другое плохо. Плохо и то, что когда человек умирает, его обязательно нужно класть в ящичек и закидывать ямку землёй, а потом ставить крест. Если Ольгу закопают, значит, что он уже никогда не поспорит с ней, не прокатит на санках, не поделится булочкой. Когда Игорь что-то делает хорошее для Ольги, то он чувствует себя сильным и ответственным перед её мамой. Тогда кажется, что он взрослый, хотя и маленький, ведь только взрослые умеют заботиться, отдавая всё лучшее, что у них есть, детям.

Вдруг вышел Евсеевич, попросил побыть в мастерской, пока ходит в сельсовет за кожей для ремонта обуви.

— Если кто придёт, скажи, чтобы подождали. Не разрешай брать обувь.

Игорь вошел в мастерскую. Привычно пахло кожей и клеем. Сундучок оказался не запертым. Он так и не решил, как ему поступить — сказать ли Евсеечу об Ольгиной болезни или... Плитка оказалась настоящей. Послышался шум на крыльце. Игорь машинально сунул плитку в карман и захлопнул крышку. Он не хотел брать чужую

вещь, но так получилось, что шоколадка оказалась в кармане. Вошедшая женщина работала смазчицей. От неё сразу запахло мазутом, который она заливала в буксы вагонов и платформ.

— Подождите, — сказал Игорь, — Евсееч сейчас кожу принесёт.

Женщина хмыкнула и, как-то презрительно дёрнула губами, словно поняла, что он украл у своего лучшего друга шоколад. Я ж не себе, — хотел сказать мальчик, но женщина ушла, оставив запах паровоза. Этот запах не спутать ни с каким другим.

Игорь и его друзья стояли у насыпи, чтобы во время остановки эшелона подойти и отдать цветы солдатам. Подошел состав. Через равные промежутки времени под паровозом выбивалась струя пара. Вдруг услышал знакомый голос. Игорь ещё раз осмотрел паровоз. Увидев дядю Ивана, бросился вверх по насыпи. Лицо было в угольной пыли и копоти, но оно улыбалось ему. Мама запретила приближаться к линии, так как это очень опасно, запретила забираться к дяде на паровоз. Игорь смотрел вверх и махал букетиком цветов, словно приготовился бросать его.

— Руку давай, — требует дядя, открывая дверь и, берясь за сверкающий поручень. Он тут же забывает о запрете, забывает обо всём на свете. Много глаз с завистью провожают его, поднимающегося в кабину огромного локомотива. Не у каждого мальчика на станции есть дядя, который работает на паровозе. А только у него. Игорь с трудом различает человека с лопатой, вырывающиеся языки пламени из открываемой топки. Дрожит железный

пол, слышится мощное дыхание машины. Множество запахов витают в кабине. Мальчик быстро к ним привыкает, а дядя уже сажает его на чёрную лоснящуюся полку, открывает железный чемоданчик, который дядя Ваня называет «шарманкой», достаёт солдатский котелок с борщом, вынимает ложкой огромный кусок мяса.

— Давай, племяш, ешь. Вырастай быстрее. Будем вместе работать.

Игорь отказывается, но дядя настаивает, говорит, что мясо передала бабушка, чтобы быстрее вырос. Игорь помнит запах бабушкиного борща с фасолью. Мясо можно есть медленно, отделяя волокна. «Хорошо бы маме оставить кусочек», — думает он, а дядя уже нацедил из крана горячей воды в кружку, отколол кусок сахара. Игорь вытирает руки белой мочалкой из ниток, которую называют «концами». Однажды с бабушкой они разбирали эти концы. Набралось много ниток, которые сматывали на клубки. Из этих ниток бабушка связала ажурные манжеты и воротничок для мамы. Игорь макает сахар в кипяток и аккуратно ест. Остаток сахара кладёт в карман, а свой букетик подснежников, о котором забыл, отдаёт дяде Ване. Тот укрепляет их у окна. В кабину входит пожилой человек с листом бумаги, что-то говорит. Дядя поднимает его. Игорь знает, что нужно перед отправлением подать сигнал. Он тянет вниз деревянную ручку, висящую на проволоке. Тянет изо всех сил, двумя руками. Рождается гудок. Он старается запомнить его, ведь у дяди Вани новый паровоз и теперь он работает не кочегаром, а помощником машиниста.

Состав медленно трогается, колёса паровоза пробуксовывают, сыплется песок на рельсы, а дядя машет ему из окна и улыбается закопченным лицом. Катятся мимо колёса, набирая скорость. В потоках воздуха кружится пыль, и множество разных запахов исходят от вагонов и платформ. На тормозной площадке стоит человек. Мерцают красные огоньки в подвешенных фонарях. Игорь смотрит до тех пока, пока они не исчезнут в повороте дальней выемки. Ольга стоит рядом, её бледное лицо выглядит торжественно и строго. Она гордится тем, что только у Игоря такой отличный дядя. Мальчик вынимает из кармана кусочек сахара, который почему-то из белого стал серым. Ольга отнекивается, говоря, что раз дядя угостил тебя, значит это тебе. Игорь убеждает её, говоря, что объелся, и у него уже полный живот. Ольга соглашается принять такой ценный подарок. Медленно грызёт сахар и восторженно смотрит на Игоря голубыми глазами, которые, когда она сердится, становятся почти зелёными.

Входили и выходили люди. Игорь ждал, когда можно будет сказать Евсеечу о своём плохом поступке. «Лучше положить плитку обратно, — решил Игорь, но удобного случая не представлялось. — Он заметит. Больше не станет со мной дружить. Нужно ему признаться. Он поймёт. Он настоящий друг». Евсееч работал за низким столиком, раскраивая кожу, люди приносили изношенную обувь, забирали починенную и всё разговаривали, разговаривали, оставляя свёртки и свёрточки.

— Евсееч, мне нужно сказать тебе очень важное, — начал Игорь, но тут вошел мужчина с порванным сапогом.

— Говори, — подбодрил его дядя Степан.

— Можно я скажу вечером?

Придя к Ольге, Игорь увидел её играющей на зава-
линке. Она лечила куклу, приготовив лекарство из сте-
бельков одуванчика. Он хотел отдать плитку, но разду-
мал. «Ведь она разделит её, будет заставляя его есть. Од-
на не станет. Это точно». Он решил положить шоколадку
в шкафчик. Тётя Катя будет брать посуду и найдёт её. В
дом Ольга не пустит, скажет, что пол чистый, а у него
грязные ботинки. Он подошел к луже и старательно начал
приводить обувь в порядок.

— Я что-то пить захотел, — сказал Игорь, направля-
ясь к крыльцу. — Ботинки у меня совсем чистые. Я разу-
юсь.

— У нас нет воды, — сказала Ольга. — Пить мне то-
же захотелось.

— Принеси ведро, — сказал Игорь, — Пойду черпать
воду.

Колодец рядом с домиком Глинских — через один
дом, в котором живёт Ваня Каутер. Игорю нравится на-
чинать новое дело. Он ещё ни разу не доставал воду из
колодцев. Дотянувшись до деревянной бадьи, начал опус-
кать его в квадратную темноту, перебирая руками тол-
стый шест. Неожиданно палка вырвалась, и бадья выско-
чила из колодца. Подошла Ольга с ведром. Игорь обрадо-
вался — вдвоём-то справятся с шестом. Он не видел, как
девочка поставила ведро на край сруба, наклонился, пы-
таясь понять, далеко ли находится вода. На станции про-
гудел паровоз, мальчик повернул голову и выпрямился,
чтобы посмотреть, не другого дяди паровоз даёт отправ-

ление гудком. Нечаянно задел ведро локтем, и оно полетело вниз. Дети долго смотрели в колодец и заметили, что ведро не утонуло, набравшись немного воды, плавает. Игорь подумал и решил, что его можно достать, если опустить вниз бельевую верёвку с крючком. Верёвка была дома, а крючок можно согнуть из длинного гвоздя. Свой план предложил Ольге. Она согласилась.

Гвоздь не желал сгибаться как нужно. Тогда Игорь решил привязать кусок проволоки к шнуру и загнуть конец крючком, который обязательно подцепит дужку ведра. Сделав несколько попыток, Игорь смог подцепить ведро. Вдвоём принялись тянуть ведро из колодца. Подошел Ваня и стал помогать. Когда Ольга должна была взяться за дужку, крючок разогнулся, и ведро вновь улетело в колодец, стучаясь о лёд, который ещё не растаял. Они долго высматривали ведро, но его не было видно.

— Утонуло, — сказал Ваня.

— Совсем, — печально произнесла Ольга.

— Скажем тёте Кате, что это я уронил ведро, — храбрясь, предложил Игорь.

— Не ты, а ветром сдуло, — сказала Ольга. — я видела. Поднялся ветер, оно и упало. Мама не станет нас ругать.

— Зачем врать? Если это сделал я.

— Попрошу дедушку, он достанет ведро. Он уже доставал зимой, — ободрил Игоря Ваня. — Тётя Катя не узнает. Он быстро достаёт.

Игорь вспомнил об украденной шоколадке, о разбитой чайной чашке, осколки которой бросил в печь, и ему стало грустно. Нужно идти к Евсеечу и всё ему рас-

сказать. Пусть изругает, пусть мама поставит в угол, пусть все узнают, что он утопил ведро, виноват в том, что тётя Лариса из-за него почти, что сломала одну ногу. Накануне потерялся корабль, который дал Ольге пускаться по ручью. Кораблик сделал Евсееч. Он был как настоящий. Игорь им дорожил, пускал только на верёвочке, а Ольга уронила её в воду и достать не смогла.

— Я принесу тебе воды, — сказал Игорь, направляясь, домой. Он уже смотал шнур.

— Лучше попью у вас, — сказала Ольга, заворачивая куклу.

Ольга сделала маленький глоток и сказала, что пить ей расхотелось. Она сняла пальтишко и предложила ему поиграть в какую-нибудь игру, но Игорь отклонил предложение, сославшись на то, что ему очень нужно сказать Евсеечу о потерянном кораблике.

— Пойдём вместе, и я скажу правду.

— Ты не ходи. Испугаешься и будешь плохо спать, — отговаривал Игорь.

— Ты не испугиваешься? И я не буду. Я же с ним давно познакомилась. Он тогда мне валенки подделал, а то ты плохо заштопал. Нитки сразу порвались.

— Я — другое дело.

— И я — другое дело. Ты скажи, что вам наворожила бабушка Усачиха?

— Сказала, что всё будет хорошо, война обойдёт нас, только немного заденет. — Игорь вспомнил свою тайну и посмотрел на Ольгу. — Пошли. Только нужно немного нарвать цветов для Евсееча и других солдат.

Как ни пугал Ольгу Игорь, всё напрасно. Она не боялась лица сапожника. Ей хотелось сделать ему что-то хорошее, ну пол подмести, цветы подарить. Пол Ольга подметает лучше Игоря. Он это знает.

— Это вы далеко собрались? — спросил Евсеич, отворачиваясь к верстаку, чтобы дети не видели его безбрового коричневого от ожогов лица.

— Это мы к вам собрались, — ответила Ольга, стараясь обойти сапожника и вручить ему букет.

— Я вам цветы принесла, — чтобы как подарок был. — Вы нам подарили санки, кораблик. Я его упустила в ручье. Вы всем ребятишкам подшиваете валенки. У нас ничего нет, а только эти цветы. Мы с Игорем рвали.

Евсееч взял цветы и долго молча стоял, глядя в окно. Ольга подметала. Набрала в рот воды из кружки и так ловко брызнула, что Игорь позавидовал — у него никогда так не получается. «Когда уйдёт, когда они останутся вдвоём, и он расскажет о краже», — думал Игорь, выгребая золу из железной печки в маленькое ведёрко.

— Евсееч, я сейчас ведро утопил в колодце. Ольга пить захотела, а я задел локтем.

— Добудем, — как-то весело сказал дядя Степан. — Не горюй.

— Знаете, я ещё чашку разбил дома, и осколки в печь спрятал.

— Признаешься, и мама поймёт, что ты посуду мыл и нечаянно уронил.

— Она два раза падала.

— Дядя Евсееч, ведро ветром сдуло в колодец, правда, — сказала Ольга. — Игорь не виноват нисколечко.

Ольга взялась протирать стёкла окна, убирать паутины из углов. Игорь вдруг решился на отчаянный поступок. Он достал из кармана сломавшуюся шоколадку, пожил на верстак перед сапожником и упавшим голосом проговорил:

— Я украл... у вас... Я больше никогда не стану брать чужие шоколадки.

— Воровать не хорошо. А почему ты не съел её?

— Потому что... — Игорь посмотрел на Ольгу и слёзы вдруг сами потекли из его глаз. Он не мог рассказать, что она очень больна, а чтобы она выздоровела, ей нужен шоколад. Хотел сказать, что у Ольги уже никогда не будет отца, но при ней не мог раскрыть свою тайну.

— Ты бы мог поделить плитку на двоих, — сказал, улыбаясь, сапожник.

— Мог. — Согласился Игорь. — Но тогда ей достанется меньше. Ей нужно всю. Я хотел, чтобы тётя Катя нашла шоколадку и отдала ей. Поэтому и ведро уронилось.

Ему стало легко и радостно. Ольга посмотрела на шоколадку и обрадовано разулыбалась. Евсеич всё понял, но не знает, что Ольга может заболеть и умереть, потому что в её крови нет этого проклятого гемоглобина. У Игоря его полно, а неё — нет.

— Вы были в больнице? ...У вас хватает гемоглобина?

— Откуда тебе слово это известно? — наващивая дратву, удивился сапожник.

— А у меня совсем его мало, — вдруг проговорила девочка, отжимая тряпку. — Сказала тётя Маша.

— Вот какой коверкот, — вновь удивился Степан Евсеевич. — Так ты и решил, что...

Евсееч, качнул головой и отвернулся к окну, словно там увидел очень интересное. Игорь тоже посмотрел. Здание вокзала закрывал товарняк, но крышу было видно, и надпись чёрными буквами. Вася научил его читать по слогам. Ему нравилось постигать смысл написанного, хотя иногда слова не могли прочитаться. Тогда Игорь мучительно перебирал слога или звал Ольгу. Она читала быстро и понятно. Евсееч всё читал, и не мог понять, что же означают буквы.

ИСПОРЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК

Игорю почему-то вспомнился тот день.

В магазине и в вагонлавке давали селёдку и сахар песок. Люди радовались. Над сельсоветом, школой и вокзалом волновались новые флаги. А самый высокий флаг был над элеватором.

— Хорошо, когда Победа. Никто не ругает, никто в угол не ставит, — говорил Игорь, макая хлеб в сахар.

-Надо, чтобы день Победы был каждый день, — радостно говорила Оля, слизывая сахар со стола. Мамы им насыпали в блюдца по две больших ложки, дали по булке с колбасой. Колбасу они оставили на потом, а булки макали в сахар и ели с тёплой водой.

Чувствуя за собой вину, Игорь достал из чемодана с игрушками коробки из-под папирос. В них он хранил самое ценное и нужное. Это были «золотинки», конфетные фантики, которые зачем-то копил, подбирая у чайной

или на перроне вокзала. Он не знал, для чего ему это сокровище, но был уверен, что когда-нибудь пригодится. Большую ценность имела свинцовая пробка от шампанского. Он нашел её под кроватью, хотя другие ребята искали её под лавками. Эта пробка выстрелила в потолок на свадьбе дяди Вани. Мама хотела оставить его у тёти Кати, но он сказал, что ещё не видел, какими могут быть свадьбы, ведь ему придётся тоже когда-нибудь жениться, поэтому нужно видеть, как это происходит.

Он сидел на огромной тёплой печи с какими-то неизвестными девочками, которые постоянно ныли и замолкали лишь тогда, когда им давали разные конфеты. Девочки были странными, не понимали, что фантики — это символ богатства, а швыряли их вниз. Если бы Игорь стал выпрашивать их, девочки, непременно заинтересовались, естественно, из упрямства не дали ему ничего. Он спускался с печи, старался незаметно подобрать все фантики, которые лежали на кухонном столе, на полу, под столами в большой комнате.

В свинцовой пробке были отверстия. Сначала Игорь решил, что это может быть хорошее грузило к удочке, но Славка сказал, что нужно отрубить половину — слишком тяжелое. Тогда Игорь решил, что лучше будет, если эту пробку зарядить в настоящее ружьё, как у Тарасовых под сундуком. Нужно сделать засаду около уборной Гитлера. Как только он пойдёт обратно, нужно крикнуть, чтобы он знал, за что получает пулю. Валерка говорил, что нельзя стрелять в человека, когда он ест, когда стоит спиной и не знает за, что в него стрельнули. Игорь понимает, что это невозможно сделать, по многим

причинам. У него нет ружья. Это первая причина. Нужно ехать далеко в Германию, найти штаб и уж тогда выслеживать самого Гитлера. Во-вторых, мама не отпустит его так далеко одного. План вобщем-то понравился ребятам. Хотя было много замечаний и поправок.

Теперь эта пробка-пуля потеряла своё основное назначение, хотя из неё он сделает несколько грузил для удочек, а для этого нужно положить пробку на лезвие топора и бить молотком, пока свинец не перерубится. Он даже проволоку так научился перерубать, а свинец намного мягче, чем железо. Оставив пробку себе, Игорь отдал девочке коллекцию вместе с коробочками. Это был настоящий поступок. Игорю показалось, что, утерев своё богатство, стал, будто ниже ростом. Оля вполне могла сама собрать столько же фантиков, но если у неё каким-то путём скапливалось несколько разноцветных бумажек, то она почему-то брала ножницы и зачем-то их мелко резала. Она давно мечтала стать владелицей огромного количества золотинок и фантиков, которые невозможно сосчитать. Они несколько раз пытались это сделать, но сбивались. Ольга спорила, говоря, что нужно считать десятками, а он предлагал — сотнями. Сотнями считать было очень трудно, но зато правильно. Ведь деньги считают до конца, а не говорят, что двадцать десятков. Вася сказал, что считать фантики не обязательно. Нужно просто рассматривать коллекцию, удалив в запас одинаковые. Они так и сделали. Получилось две коллекции. Это была очень трудная работа, ведь предстояло разложить на полу все бумажки, потом удалить те, которые повторяются, оставив по од-

ной. От неосторожного движения, все образцы перемешивались, приходилось их вновь раскладывать.

Игорю стало грустно. Лишив себя собственными руками «богатства», которое собирал несколько лет, поневоле загрустишь. Утешало то, что Ольга очень обрадовалась, а, поискав ножницы, умчалась домой, чтобы на всякий случай спрятать коробочки. Игорь мог передумать, затребовав подарок обратно. Она часто так делала. Он не мог поступить подло. Никогда её не обманывал. Как отблагодарить за бесценную коллекцию?

Ольга почти влетела в комнату. В руке она держала одну коробочку.

— Давай, тебе железу папину подарю, — сказала девочка. — Играй, хоть всю жизнь. Возьми её себе. В сенках лежит.

Он вынес железу на улицу, пытаясь рассмотреть все её отверстия, выемки и непонятные отростки. Игорь понял окончательно, что железа не простая. Она может быть биноклем, пулемётом и даже танком, если в отверстие вставить палочку. Под крыльцом у него много разных железок, которые имеют свои важные назначения, но такой — у него нет, такой нет ни у кого из ребят. У крыльца собрались мальчики и девочки. Им тоже нравилась железа. Они её трогали, восхищенно качали головами, а Валя принесла верёвочку.

Поднимая весёлые брызги, железа-танк скользила по луже. Игорь ловко управлял своим танком, который урчал мотором, стрелял из пулемётов и пушки. Дети с восторгом смотрели, как танк ведёт бой, уворачивается от

бомб, которые падают сверху комками глины. В самый разгар сражения раздался гневный голос:

— Отдай! Это папина. Я тебе дала поиграть, а ты её в лужу забельшил. — глаза у девочки просто позеленели, а бантики взъерошились.

— Она не сломается, — сказала Валя. — Не бойся. Я её помою всю.

— Как папа станет делать работу? Скажет: «Оля, железа сгнила от воды, а ты не сберегла её». Отдай сейчас же! Я всё маме ...

Собравшиеся ребята не поддерживали Ольгу, убеждая её, что она не права. Больше всех защищала Игоря Валя. Она доказывала, что железной железе ничто не грозит. Её не сломать, даже если бросить об камень. Мальчики понимали Игоря, а девочки ждали окончания события.

Ольга настаивала на своём, но Игорь не собирался отдавать «танк». Он тянул его по грязи, потом по куче глины. Ольга убежала. Дети начали расходиться, лишь Валя предлагала нагрузить на танк банку из-под старой краски. Ваня принёс игрушечный вагон из алюминия, привязал к железе, — получился поезд. С криком подбежала Ольга, сунула Игорю коробочки, схватила железу и принялась отвязывать бечевку.

Игорь раскрыл коробочки. Часть фантиков исчезла.

— Ты половину украла?

— Ничего я не брала, — отмахнулась девочка, обмывая «танк» в луже.

— Было очень много. В этой коробочке нет вообще ни одной золотинки. — Мальчик понял, что его обманули, что его обокрали. Ведь Ольга разрешила играть желе-

зой хоть всю жизнь. От глубокой обиды, он сильно задышал носом и вдруг сказал:

— Скажи своей маме, чтобы она никогда не приводила тебя к нам.

— Я и сама не приду. Нужен ты мне был. Я буду играть с Ваней, — сказала Ольга, понимая, что за такое коварство даже тихий и аккуратный Ваня не станет с ней играть.

Игорь отдал коробочки Вале и пошел на станцию. Евсееч обязательно поймёт и подскажет, как жить дальше.

— Не горюй. Она погорячилась. Ты же мужчина. Из-за железки нельзя ломать дружбу.

— Я подарил всю свою коллекцию, не просил ничего. Она принесла железу. Сама. Потом вернула мне коробочки, но фантиков стало очень мало. Она украла. Так же не делают друзья? Она всегда такая. Никогда не стану с ней больше играть. Домой не пущу.

— Постарайся понять её. Почему она так сделала?

Игорь сел на маленькую табуретку и задумался.

— Я играл. Она как коршун налетела. Мне Валя привязала бечевку к железке, чтобы можно за собой таскать.

— Может быть, ей не нравится, что ты играешь с Вальей? Вот она и обиделась.

— Наверно, — согласился Игорь. Евсееч сразу всё понял. Ольга и раньше ругалась с Валькой, если та пыталась играть с ними. Хорошо, если бы дядя Степан был как отец мне. А мама не разрешает ходить к нему в мастерскую. Отец должен всё понимать и помогать.

— У Ольги не будет отца уже. Он не приедет...

— Кто сказал?

— Никто не говорил. Глинским похоронное письмо прислали, почтальонка дала передать. Я открыл, а там такие буквы. Я уже знаю, я видел. Всегда все плачут.

— Где же оно? Письмо это. Ты мог и ошибиться.

— Славка тоже прочитал. Сказал, что пусть ждут и не плачут. Письмо мы разорвали и в лужу затолкали.

ИГОРЬ ЗАБОЛЕЛ

Вечером у Игоря поднялась температура. Он метался по кровати и вскрикивал.

— Что случилось? Какое письмо? — спрашивала Алла Петровна.

Фельдшер сказала, что это обыкновенная простуда. «Ничего страшного. Чай с малиной, горячее молоко и витамины». Тётя Катя принесла молоко, а мама согрела его и заставила выпить всю кружку.

— Сходи к Усачихе, у неё есть сушеная малина. У меня кончилась. Она так просто не даст. Надо что-то нести.

— Чего нести? Всё уже сменяла. Может быть, сапожки продать, что ему этот подарил. Скоро лето. Он вырастет. Будут малы.

— Подожди меня. Я тебе буду молоко носить. Сапожки Олюшке сгодятся. У меня рубашка осталась Федина. Возьми. Потом разберёмся.

Усачиха, Усачиха, она ворожит про мужей и братьев. Все ей приносят что-нибудь. Она отказывается, но люди оставляют вещи и крупу — у кого что есть. Если

подарок щедрый, то всё будет хорошо. Это Игорь знает. Но если кто-то принесёт что-то неважное, то может наворожить такое, что и жить дальше не обрадуешься. Он давно хочет сделать что-нибудь плохое этой женщине, но боится. Ольга говорит, что она может обворожить, что никогда не вырастешь и будешь лилипутом. Ему жалко маленьких людей. Они показывали в клубе концерт. Все смеялись и хлопали в ладошки, а Игорь сидел и чуть не плакал, представляя, как им трудно залезать в вагоны, потому что ступеньки очень высоко от земли. На полку Игорь забирается с помощью мамы. А мама у него высокая и сильная, а у этих людей мамы должно быть очень маленькие и посадить на полку они не могут своих детей.

Игорь немного подумал о грустных лилипутах и стал рассматривать потолок. Он давно знал все трещинки. В углу ближе к печке жил гусь. Он появился осенью после первого дождя. Он познакомился с ним тогда, когда обжог лоб. Он сражался на шпагах, как Фанфан Тюльпан. Конец палки отскочил после сильного удара. Глаз стал болеть. В медпункте его полечили каплями и забинтовали, подложив под бинт много ваты. Вечером пришли соседки. Принесли семечки. Стали читать письма и придвинули коптилку. Игорь потянулся к горке семечек и вата вспыхнула. Испугавшись, он склонился, а гостившая тётя Тася, сорвала с головы горящую повязку. Ему приложили в тряпке холодной глины и боль ушла. А утром он увидел его. Гусь выглядывал из угла на потолке. Так они подружились. Гусь просыпался, как только в комнате начинало

светлеть. Иногда гусь покачивался на лапах, и шевелил крыльями.

Игорь искал своего гуся, но не находил. Мама забелила его весной. Он вспомнил. Было скучно одному. Он представлял гуся, вспоминая, где у него были шея и клюв. Вдруг потолок стал плавно раскачиваться, как будто бы на качелях и вдруг начал вставать на ребро вместе с куском провода, к которому должны были прицепить электрическую лампочку, но так ещё и не подцепили. Игорь быстро закрыл глаза, чтобы не видеть, как падает потолок. Когда он чуть-чуть открыл глаза, потолок некоторое время вёл себя вполне нормально, но потом опять закачался и стремительно понесся к нему в кроватку. Мальчик тотчас закрыл глаза и боялся их открывать. Уснув, увидел свой старый страшный сон, будто бы из-под кровати из темной темноты в облаках красновато-жёлтого тумана что-то быстро выбегает, но движется медленно. Оно сначала страшное, но немного походит на паровозик, вращающийся красными колёсами. Игорь попытался проснуться, но нет сил, а паровозик стучал колесами, пытаясь выехать из-под кровати. Стучала дверь в сенях. Игорь принялся просыпаться, хотя ему не охота покидать сон. Сон держал его, не давая войти в другое состояние. «Если это пришла Ольга, не стану разговаривать. Буду молчать», — решил мальчик, пытаясь встать, чтобы откинуть крючок. Тело его стало мягким и слабым. Ему казалось, что он медленно плывёт по воздуху, а он упал на пол и не почувствовал боли. Игорь взлетел к потолку, потом поднялся над баракком, увидел поезд дяди Вани и другие поезда, которые мчатся по линиям друг за другом, как длинные

червяки. Вот извивается брошенной верёвкой речка Чумыш. Как ему тепло и уютно лететь к солнцу вместе с птицами.

Он разговаривает с бабушкой, которая стоит перед иконами и молится. Бабушка и тот с иконы смотрят на него и ласково говорят, чтобы он не летел так быстро. Дядя Григорий говорит, что болеть не обязательно, ведь такую войну выиграли, а болеть — не гоже. Он соглашается, что болеть не обязательно сегодня. Дядя Ваня машет из окна большого паровоза и просит его не болеть. Откуда-то возникает лица мамы и отца. Они ободряюще кивают ему. Вдруг ему делается больно. Пропадает тепло и добрый свет. Ему тяжело дышать. Он слышит голос тёти Таси. Она прижимает его к себе и плачет. Игорь не хочет, чтобы она плакала и хочет обнять её за шею, но руки не подчиняются. Они ещё летают по воздуху. Мальчик решает поделиться своим горем и пытается сказать, что-то очень важное. Мыслей у него много. Они толкаются, мешают друг другу. Вот ему попалась тяжелая и горькая мысль Он говорит:

— Я украл у Евсеича шоколадку для Ольги, чтобы она никогда не болела, — тётя утешает его, говоря, что это не воровство. Игорь окончательно успокаивается на её руках и засыпает, улыбаясь про себя. Он видит сапожника с новым молодым лицом, как на фотокарточке. Евсеич вовсе не дядя Стёпа, а кто-то добрый и заботливый, как все люди, которых он знает, которые любят его и заботятся о нём. У него множество лиц, лиц родных и ласковых.

Евсейч пришел вечером. Принёс кусок жёлтого, но большого сала и мешочек сушеных яблок. Игорь хотел встать, но не смог. Тётя Тася принялась варить пшеничную кашу на молоке, а сапожник достал губную гармонику.

— Будешь играть? — спросил он, подавая сверкающую вещицу.

— Нет. ...На ней фашист играл.

— Я помою сейчас...

— Никогда не возьму. Потому что они Ольгиного отца убили и играли потом.

— Я как-то не подумал. Вот какой коверкот получается. Выздоровливай. Пойду.

Не успел сапожник выйти, как быстро вошла Алла Петровна, увидела бумажные кульки на столе и нарезанное сало, строго сказала:

— Зачем вы это... Что вам вообще надо?

— Няня, человек пришел попроведывать,— сказала девушка, накладывая кашу в тарелку. — Садитесь ужинать, — предложила Анастасия гостю.

— Вы сварите курицу. Бульон полезней будет, — сказал Степан Евсеевич, выходя в сени. За ним вышла и Алла Петровна.

— Спасибо вам за всё. Постарайтесь не общаться с мальчиком. Мне трудно одной. Он такой впечатлительный. А ваши подарки? Он же с ножом с вашим бросился на человека. Не приваживайте его к себе. Я прошу...

— Он походит на моего брата. Поймите и меня. Брата сожгли с мамой в колхозном сарае. Остались у меня одни воспоминания. Вы меня хотите их лишить? За что?

— Игорь поддается чужому влиянию. Участковый недавно вызвал. Поймали мальчиков на краже в складе в Горохино. Глинская нашла сумку с шоколадными плитками на своём крыльце, когда выгоняла корову. Будто бы Игорь послал их воровать шоколад для больной девочки Оли. Она старается держать в тайне, что удочерила ребёнка из Ленинградского детского дома. Один воришка утверждает, что они с Ольгой из одного детдома. Вся её тайна раскрылась. Гемоглобин у неё низкий, а шоколад в магазинах не продаётся. И польза от него невелика... Катя всё сменяла, что могла. Мало того, что Игорь подбил ребят воровать шоколад, так ещё и сам у вас украл. Вы для него авторитетный человек. Он вас уважает, а вот залез к вам в шкаф. Понимаете, кем он вырастет? Вы не понимаете, Степан Евсеевич.

— Он же украл не для себя. Для больной подружки. Он заботится о ней.

Другой бы съел. И мальчишки украли шоколад не для себя. Они не могли сказать, что именно Игорь их заставил воровать. Это придумали злые языки. Завидуют вашей дружбе с Глинской Екатериной. Для пареньков этот шоколад не лакомство, а лекарство, которое позволит не умереть маленькой девочке.

— Воровство — ничем не закрашивается. Там разговор короткий. Украли. Больная девочка никого не интересуется. Отправят детей в колонию. Накажут за то, что хотели спасти человека. Некому было их остановить. Поэтому я не хочу, чтобы мой сын вырос глупым, не умеющим найти правильный путь, чтобы сделать доброе дело, и никому не принести лишних хлопот и горя.

— Не всегда честность, справедливость и доброта идут рядом. Не зря говорят, что не стоит браться делать добро, если боишься прослыть виноватым и не понятым.

БЕЗОТЦОВЩИНА

Прошло три дня. Болезнь отступила, Игорь выходил на улицу на несколько минут, чтобы посмотреть в сторону школы. Изредка кружилась голова, накатывала слабость, и холодный пот выступал на лбу. Он ложился на кровать и нехотя листал подаренные книги, пытался читать, но у него ничего не получалось. Однажды незаметно вошла Ольга, положила на одеяло «отпаровозную железу» и сказала:

— Мне ни капельки не жалко. Я теперь её никогда не заберу, хоть ты будешь старым, хоть ты станешь играть с Валькой. Мама сказала, что мы с тобой безотцовщина, нам нужно держаться друг за друга.

— Почему?

— Просто. Моего папу убили недавно, а твоего — зимой. Только я тебе не говорила. Мама не велела.

— Ты всё врешь! — вскочил Игорь с кровати.

— Я не хочу врать. Ты нашу похоронную порвал и в лужу утонул. Со Славкой?

— Порвал. Чтобы ты не плакала.

— Что теперь нам делать?

— Незнаю, — тихо проговорил Игорь. Дети молчали.

— Давай в железу поиграем.

— Не хочу.

— И я не хочу.

Мальчик хотел заплакать, но не плакалось. Он тяжело вздохнул и сказал:

— Там в шкафу есть сало. Отрежь сколько хочешь. Я не буду сегодня. Мне ещё Евсееч принесёт.

— Был он у нас папой. Он бы нам валенки починял, санки делал, и сало приносил с работы. Нам шармачи полную сумку шоколадок принесли, а мама испугалась и отнесла в милицию. Даже попробовать не дала.

— Как он станет нашим отцом?

— Ну, просто. Наши мамы на нём поженятся. Как Колькина мама поженились с дядей Игнатом, а к нему вчера ещё одна жена приехала с фронта. Вся больная. У неё много медалей и она курила, когда я к тебе шла. И теперь у Кольки две мамы. Она ему вшей вычёсывала вчера и подарила зажигалку. Вот эту. Возьми себе. Колька передал тебе насовсем. — Зажигалка особенная. Таких Игорь никогда не видел. Зажигалка имела несколько разноцветных поясков. Если посмотреть на окно через пояски, то день на улице становится то красным, то зелёным, то синим. Игорь крутанул колёсико, но искры не выскочили.

— Нужно заправлять, — сказал Игорь. — А фитиль сделаем из тряпочки или из ваты. — Моя мама вчера выгоняла Евсееча. Она не станет на ней жениться.

— Моя станет. Знаю.

— Не дам вам на нём жениться. Я сам возьму и поженюсь.

— Ты маму попросишь. Я тоже попрошу. Им что ли будет лень. А ты болеешь. Правильно?

— Какая ты. Я же первый его не испугался, а ты убежала.

— Ну и что. С кем не бывает? Теперь я не боюсь ни капельки его лица.

День тянулся долго и скучно. Игорь и Оля рассматривали картинки, рисовали парад войск, поели немного сала. Хлеб быстро закончился, а без хлеба сало можно только сосать, как леденец на палочке. Ольга ушла, когда погнали коров мимо барака. Ей нужно открыть калитку и загнать под навес телёнка и корову. Игорь хотел помочь, но от слабости только мог сидеть на крыльце и смотреть на проезжающий эшелон с техникой.

Вечером Игорь выпил молоко, съел кусочек горького хлеба, принесённые Ольгой, и лёг, чтобы дождаться маму. На всякий случай закрыл дверь на крючок. Мама приходила очень поздно. Он её редко видел, если она работала днём, но зато отлично, когда работала ночью. Они копали огород, делали грядки и сажали в них лук и чеснок. Тётя Тася уехала домой. Она обещала приехать и жить с ними, чтобы работать в библиотеке и варить ужин.

ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Он потерял ключ от нового замка.

Мама не разрешила прятать его под доску, а сказала, чтобы он относил его на тёткиatin гвоздик в кухне около умывальника. Он закрыл замок и пошел к Ольге, чтобы повесить ключ и стать свободным человеком. Он постоял около Вани, который строил трактор из разных дощечек. Помог ему сколотить сидение и руль. Ключ не-

заметно куда-то делся. Вышла Ольга, попросила ключ, чтобы повесить на гвоздь. Конечно, они искали ключ, конечно не нашли.

— Пойдем на речку, — предложила Оля, — Посмотрим, как растёт в вашем огороде редиска. У нас не растёт.

Ваня не мог бросить конструирование своего трактора, а Игорь согласился. Всеравно куда идти. Его уже ничто не радует в этот солнечный прекрасный день. Нужно сидеть на крыльце и ждать, когда придёт тётя Тася на обед. До обеда ещё много времени, можно сто раз сходить на огород. Мягкая тёпла пыль прямо дымится под босыми пятками. Воробьи, открыв клювы, тяжело дышат. Соседская собака забралась в конуру и высунула большой язык. На станции лениво перекликаются паровозы. Немного хочется пить. Над сельсоветом висит малиновый флаг. Узкий переулок никак не кончается. Игорь и Оля идут, взявшись за руки. По ветхому плетню вьются какие-то растения. Стрекогут кузнечики и белые бабочки машут своими крыльями. Их называют капустницами, потому что они едят капусту.

— Тебе опять стоять в углу, — говорит Оля, срывая глянцевый овальный листок, — Если у тебя заболит нога от занозы, то прибинтуй тряпочкой и всё проживёт.

— Ладно, — соглашается Игорь, рассматривая светло-розовые цветы, похожие на колокол, что висит на станции. Цветы маленькие и не звенят. Переулок оканчивается речкой. Один берег обрывистый, а другой — не очень. На берегу растут палочные кусты с узкими листьями. Был бы у него нож, он бы мог сделать свисток, но без ножа ничего не сделать. Даже «коня» не срезать, а

придётся ломать. Игорь долго ищет свой огород. Удивляясь изменениям, которые произошли с грядками и лунками, он ищет редиску и не находит. Мальчишки, сидящие с удочками под кустами, очищают ногтями красную кожицу с маленьких шариков. У Ольги большой огород около дома, но она всеравно не знает, как искать редиску. Красной редиски на грядках не видно.

Иметь хорошего коня должен каждый мальчик. Нужно так мчаться на нём, чтобы пыль поднималась позади клубами. Старый конь сгорел в печке, потому что высох. Новый конь не желает отламываться. Можно выбрать ветку потоньше. Она отломится быстро, но разве это будет настоящий конь. Игорь крутит ветку очень долго, она не отламывается никак. Ольга сдирает тонкие длинные полоски коры. Подумав, начинает плести поясок. Игорь просит её сплести ему бич.

— Садись, — предлагает Игорь. — Покатаемся.

— Подожди, осталось немного, чтобы коня разгонять. — Говорит Ольга.

Мальчик отламывает лишние ветки и листья. Конь очень большой. Таких ещё ни у кого нет. Игорь будет катать всех желающих. Одного коня поменьше подарит Ване. Его не пускают на речку, а разрешают играть только перед калиткой. Немного покатавшись на конях, уставшие дети сели на траву. Игорь вскочил:

— Пора коней поить, — сказал Ольге и направился к мостику через речку. Кони пили воду долго. Игорь сел на мостик, опустил ноги в чудесную прохладную воду. Как она ласково лижет уставшие ноги. Игорь начинает взбивать речку, поднимая брызги. Вдруг видит радугу. Удив-

ляется. Откуда взялась маленькая радуга? Радуги бывают только на небе после дождя.

— Это ты сделал мне радугу! — восклицает девочка и пытается её поймать. — Мне никто ещё не дарил маленькую радугу.

Игорь сильнее молотит ногами по воде. Многоцветный кусочек дуги увеличивается в размерах. Мальчик уже намочил майку и трусики. Ему приходит мысль, что нужно теперь искупаться.

— Мы же не спрашивались дома, — опасливо говорит Оля.

— Мы придём и тогда спросимся. Вон же ребяташки купаются около своих огородов.

— Надо спроситься, — говорит Ольга. Игорю все равно влетит за потерянный ключ, поэтому он ничего не боится. Все равно стоять в углу. Сколько бы не было провинностей. Игорь плещется в воде, его трусики сушатся на ограде, а маечку он забыл снять. Вода такая блестящая, прямо притягивает. Дети барахтаются в маленьком заливчике. Им очень весело и они счастливы. А река — это вовсе не река, а ручей, из которого берут воду для полива маленьких огородиков жители барачков. А мост — это борт от платформы, на котором видны полустёртые белые цифры и множество болтов скрепляют доски. Ручей проходит по огромной трубе, уложенной в высокую насыпь, слегка изгибаясь, спешит мимо берёзового колка, а потом за станцией встречается с рекой, которую называют Чумыш. От восторга дети поют разные песни. Но больше всего им нравится про девушку Катюшу, выходящую на крутой берег. Игорь много думает об этой странной де-

вушке, которая вышла на берег с патефоном, иначе как бы она заводила песню про сизого орла, которого очень любила. Но вот чем ей писал письма орёл — клювом или лапами, ему непонятно.

— Оля, а ты видела «игруши»? — спрашивает Игорь.

— Это же игрушки, — поясняет девочка.

— А зачем они расцветают с яблонями? — вздыхает мальчик. — Нужно спросить у тёти Таси. — Игорь и Оля лежат на траве и сохнут под солнцем. Серьёзно прогудел паровоз. Мальчик посмотрел в сторону станции. Дяди Сашин паровоз. С мостика видны лишь крыши зелёных вагонов — он водит пассажирский. Если кабина паровоза застеклённым домиком, значит, не ошибся — это дяди Сашина машина — «С-109». Дядя Саша Фролов — тёти Жени муж, недавно вернувшийся с войны. Но кабину Игорь не может рассмотреть, её закрывают тополя у вокзала. Гудок его. Если это дачный поезд, значит, тётя Тася уже дома и должна идти на работу. Она не обедала, потому что ключа нет у тёти Кати. Он её подвёл. Игорь определяет время по проходящим пассажирским поездам. А Ольга не может запомнить и узнавать по звуку гудка, какой подходит поезд или отправляется.

— Давай всегда, всегда вместе играть, — говорит Оля, отжимая трусики.

— В куклы? Не хочу.

— Мы немного в куклы поиграем, а потом в чего тебе хочется.

— В Чапаева? — Игорь принял предложение, но ожидал подвоха. И он не замедлил появиться:

— В Чапаева, — сказала девочка. — Только ты не играй с Валькой.

— Ты уже сто раз об этом просила, — разозлился Игорь. — Ничего она не ябеда.

— Когда ты зуб выбил на горке, я же не сказала никому, а она прибежала и твоей маме всё рассказала. Нам нужно пожениться скоро. Когда вырастем.

— Это ещё зачем, — встревожился мальчик, понимая, что женитьбы ничего хорошего не приносит людям. — Я не стану так играть.

— Мы не будем играть. А как все. Пожениваются и покупают детей.

— Зачем они мне нужны? ...Потому. Кричат громко и болеют.

— Мы купим больших, — заверила Ольга. — Поменьше, чем я.

— Зачем ты об этом постоянно говоришь? Мне уже надоело слушать.

— Все люди об этом говорят. Я же слышала.

— Видишь, мальчишки моют в воде редиску? Значит, она растёт в земле. Пошли в огород. — Редиска оказалась очень мелкой и очень горькой, хотя Игорь осколком от бутылки и счистил красную кожу, всеравно во рту сильно жгло. Лук тоже был горьким. А за щавелем нужно идти в колок. Это далеко и долго придётся идти, а нужно что-то поесть и как-то найти ключ. Он проникнет в комнату, затопит печь и сварит пшеничную кашу. Можно покрошить картошку. В дом попасть не просто. На той доске, которая не была прибита в сенях, сложены кирпичи для ремонта печки.

На двери висел горячий замок. Запасной ключ мог быть где-то дома. Но как попасть в комнату? Игорь несколько раз заползал под сени, но все доски хорошо прибиты. Он решил проникнуть в комнату через подпол. Со стороны сеней доски, а если пролезть от соседей, а потом поднять крышку люка и вылезти в своей комнате. Он вспомнил, что у них очень глубокая яма, в которой хранится картошка. Если в эту яму он сорвётся, то уж самому не выбраться. Лестницы у них нет.

Игорь вошел в соседние сени. Перегородка немного не доходила до верха. Нужно что-то подставить, чтобы добраться до неё. А как он станет спускаться? Кирпичи. Они сложены у стенки. Можно встать на них, а потом как-нибудь слезть на пол. Нужен стул и табурет.

Вдруг распахнулась дверь, вышла девочка. Он видел её, когда они переезжали, а с грузовика снимали вещи и заносили. Девочка уже училась. Звали её — Бирутой. Больше ничего он не знал о ней. Она сидела дома, потому что летом в школе был перерыв, учителям дали отпуск, а дети радовались и ходили в колки за ягодой, которую сушили на крышах сенок двух бараках. Бирута не ходила по ягоды, но обрадовалась, увидев Игоря. Он рассказал ей свой план. Девочка без рассуждений согласилась ему помочь. Вынесла две табуретки, подставила две высоких доски, которые доставали почти до самого верха.

— Сперва тебе нужно обедать. — Сказала девочка. «Она права — с утра ничего не ел, если не считать две крохотных горьких редиски. Началась интересная игра. Бирута разогрела на керосинке картошку на сковородке. Как-то серьёзно полила ему на руки тёплую воду из бело-

го чайника. Она и мыло давала ему, но оно было настолько тонким и скользким, что от волнения Игорь выронил его, и оно утонуло в помойном ведре. Он хотел запустить руку, но девочка молча подала ему полотенце, а мыло достала совком и кочергой. Потом он ей поливал на руки. Ему почему-то понравились её длинные пальчики, которые ловко держали нож и быстро нарезали от булки тонкие пластики хлеба, уложили стопочкой в тарелке, которую назвала хлебницей. Как-то заботливо и строго девочка постелила на табуретку сложенную вдвое фуфайку. Он аккуратно сел на неё. Бирута положила ему из сковородки в тарелку картошку и дала вилку. Игорь не любил вилки и всегда предпочитал, есть ложкой. Вилкой едят только взрослые. Раз его тут уважают, заботливо ухаживают, но без обычного сюсюканья, считают его большим. На кусочек хлеба соседка тонко намазала нечто. Когда-то давно он видел это жёлтое. Вспомнил — масло.

Белокурая девочка с уложенной косой его постепенно заинтересовывала. Она вдруг сказала: «приятного аппетита». Голос у неё был необыкновенный, как музыка. Он ещё ни разу не слышал, чтобы так кто-то разговаривал на станции. Картошка оказалась необыкновенного вкуса. Игорь быстро съел бутерброд, девочка аккуратно и с достоинством отложила вилку, намазала ещё один кусочек хлеба и молча с ласковым выражением лица, подала ему. Игорь много раз ел картошку. Бабушка добавляла в толчёнку яйца, запекала в печи. Круглую картошку обжаривала со шкварками, добавляла сметану. Иногда мама тушила картошку с молоком, с водой. Нравилась ему картошка с грибами, с мясом. А такую картошку с крохот-

ными зёрнышками чего-то неизвестного, но приятного на вкус, он не пробовал.

Девочка налила в особые чашки без ручек ароматный чай, открыла вазочку с кубиками сахара, поставила миску с вареньем из неизвестных фруктов небольшого размера. Игорь ел степенно, аккуратно, не торопясь. Домой ему расхотелось. Он много раз ел печенье, но, чтобы оно было не сладким, не помнил подобного случая. Девочка заботливо и ненавязчиво предлагала попробовать диковинное варенье желтого цвета, но без ягод, называя его коротким словом — мёд.

Бирута мыла посуду в голубом тазике с оранжевыми цветами. Он хотел помочь ей, но она ласково предложила полистать журналы. Комната перегороджена широкой плотной занавеской. Вход в другую половину обозначался узким проёмом с темно-зелёными кистями. Он вошел в другую комнатку. Его удивило то, что стулья тут стояли с мягкими спинками. На диванчике лежала стопка журналов с блестящими обложками. Он полистал их и задумался. На картинках тёти и дяди. Они обнимали друг друга и даже целовали. В другом журнале обнаружил улыбающихся женщин в шляпках, в туфлях, но без одежды. Таких журналов он ещё не видел. Буквы были какие-то странные. Не из Васиной азбуки.

— Как я устала, — сказала девочка, закрывая штору. Она легла на диванчик, сбросив на пол журналы, — не смотри на них. Полежи со мной, — попросила ласково. Игорь с готовностью лёг рядом и закрыл глаза. — Тут светло очень.

Выйдя в сени, девочка постелила на пол пальто, закрыла на крючок дверь. Было темно и жарко. Он безропотно выполнял её просьбы, а за перегородкой кто-то ходил, носил кирпичи, бил молотком по железу. Вдруг в застучали. Девочка быстро открыла дверь в комнату и что-то спросила. Крючок сорвался. Дверь распахнулась, но этого Игорь не видел, так как стоял прикрытый дверью. Мама вошла решительно, схватила его за руку и потащила домой, где мастера заканчивали ремонт печи. Он молча встал в угол и стоял до сумерек.

Мама ругала за потерянный ключ, за то, что купался без спроса и за то, что рвал редиску с Ольгой, приведя её в чужой огород. О соседской девочке, которая умела говорить на каком-то другом языке, ничего не сказала. А ему почему-то было стыдно и обидно, что так всё кончилось плохо. Это печники услышали, как они разговаривали и подсмотрели в щели, что они делали. А что они делали плохого? Ничего. Просто она попросила его полежать на ней. Только и всего. За что же ломать крючок? Будто они им мешали делать печку этим противным печникам.

— Будешь теперь сидеть дома, — сказала мама строго. — Под замком, чтобы мне не говорили, что ты растёшь вором и лазишь по чужим огородам.

— Мама, я не рвал чужую редиску. Это Яшка обманул тебя, — пытался рассказать всё, как было Игорь, но Алла Петровна не слушала его, а только кричала и плакала.

— Мой сын вор и бандит, его скоро арестуют. Он станет носить арестантский халат и кандалы. Что мне делать? Что я напишу отцу?

— Мама, зачем ты меня обманываешь? Ты читала папины письма. Ты их сама писала и приносила. Ты обманывала меня всю зиму. Ты обманщица.

Он не стал есть мучную кашу с молоком, а лёг спать, вымыв ноги в тазу. «Завтра начнёт другую жизнь. Мама не хочет его понять, не хочет даже выслушать. В огородах так всё заросло, что не понять, где чей. Везде одинаковые ограды, везде одинаковые грядки. Но свой огород он помнит по воротцам на ремённых петлях, по белой проволоке, которая привязана у крайнего столба. Наверно, те пацаны сказали, что мы лазили с Ольгой. Скорей всего, это они рвали чужую редиску, а на них свалили. Если она верит всем, кто что-нибудь наврёт, то зачем она живёт с ним? И тогда наврали, что он хотел возчика зарезать складишком, который подарил Степан Евсеевич. Она так и не поверила ни ему, ни дяде Степану. Завтра совершит свой поступок. Пусть тогда верит, кому хочет».

ПОБЕГ

Мама не забыла своего обещания. Дверь — на замке. Он увидел его в окно. Вылив молоко в бутылку, отсыпав соли в коробочку, отрезал от булки большой кусок хлеба, стал одеваться. Игорь ещё ночью продумал, что ему нужно взять с собой. По поездкам он не станет просить милыстину, в детдом не пойдёт, а станет пробираться.

ся к бабушке. Бабушка всегда выслушивает и заступает, если оклеветали. Мама не хочет ни заступаться за него, ни выслушивать. Она просто ему не верит. А так нельзя. Если тебе не верит мама, то, как дальше жить? Стоя в углу, спланировал, что сделает сначала, что потом. Он будет идти вдоль железной дороги. А бабушкин дом стоит очень близко от путей. Рядом большие землянки, в которые на грузовиках в прошлую осень завозили капусту и морковь. Мимо он не пройдёт. А неподалёку видел большой железный мост. По нему обязательно нужно проходить.

Доска у стены оказалась прибитой. Он принёс топор, но попытки поднять хоть какую-то доску, не принесли желаемого результата. Доски оказались крепко приколочены. Остался последний вариант. Он вынес в сени две табуретки. Поднявшись наверх, вспомнил, что забыл сумку с продуктами. Пришлось осторожно спуститься на пол. «А если её нет дома? Если она ушла? Он заберётся в сени, а выйти на улицу не сможет», — подумав, Игорь постучал в стену около печи, где перегородка тонкая.

— Выйди в сенки, — попросил девочку, когда та подала голос.

— Помогу тебе, — сказала Бирута. — Забирайся. Буду тебя держать.

Передав сумку, Игорь стал протискиваться в щель между крышей и перегородкой, которая в одном месте не доходила до потолка. Расстояние оказалось меньше, чем он предполагал. «Доску можно отбить молотком, — решил мальчик, спускаясь вниз, но молотка на месте не оказалось. — Он же был. Недавно видел. Печники могли

унести. Но есть топор, хотя он очень тяжёлый, но всё же нужно попытаться. А зачем отбивать доски вверху? Доски проще отбить внизу, а потом приставить обратно». Игорь стал искать место, где прибиты очень широкие доски. Он нашел. Удивился, почему так легко они отколачиваются. Гвозди были короткими.

Когда две доски он отбил с одной стороны, Бирута потянула их к себе, и образовался проход, а точнее «пролаз». Игорь отнёс в комнату табуретки, положил на место топор, окинул прощальным взглядом свою кроватку и вспомнил о пуле-пробке. Он так и не сделал себе удочку. Она бы пригодилась. А в чем варить уху? Если нет рыбы, то и уха не получится. А вот чай варить нужно. Или кашу. Придётся идти к Ольге и просить котелок, в который раньше тётя Катя доила козу. Без котелка и кружки в походе нельзя. Забыл и спички. Пришлось вернуться. Завернул десяток спичек, положил в коробочку от пудры вместе с «чиркалкой».

— Что случилось, Игорь? — спросила Бирута так ласково и участливо, что он всё рассказал, как мама не поверила ему, как заперла, — Нехорошо так делать. Мама ошиблась, но ты же мужчина, должен понимать, как ей тяжело без папы. Моей маме тяжело. Ей здесь очень плохо, я помогаю, чтобы она лучше отдыхала.

— Твоя мама тебя слушает и верит, когда на тебя наговаривают то, чего ты не делала? Мне не верит никто. А мама запретила дружить с Евсеечем, а он очень хороший человек. Теперь я не видел лучшего друга два или три дня, а может ещё больше. Я украл у него шоколадку для Ольги, потому что она больная и может умереть. Он меня

простил. Сказал, что он тоже так сделал, если бы ему было шесть лет. Я пообещал, что не буду ходить на станцию, что не буду забираться в кабину паровоза, когда дядя Ваня и дядя Саша приедут. Я не знаю, как мне теперь жить. Вчера ей сказали, что я воровал редиску в огородах. А я никогда не захожу в чужие огороды. Это пацаны, которые рыбачили, залезали не в свои огороды. Свалили всё на меня. Я знаю, что их подговорил Яшка-парикмахер. Мы с Ольгой испугали его маму, когда она выходила из чайной. Она подвернула ногу, у неё в сумке были продукты и конфеты. Наверное. Мы бы не стали её пугать, но ихняя корова выдавила у нас в окне стекло, потому что залезла в сенки и сгрызла капусту. Не всю. Не любит меня мама. Как будто я чужой. Лучше я уйду к бабушке. Буду жить у нее, и помогать ей.

— Ты хочешь идти? — удивилась девочка и обняла его за плечи. — Мама тоже говорила, что не помогала фашистам, но ей не поверили. А тетка с соседнего хутора сказала, будто у нас останавливались ночевать посторонние. Нас послали сюда жить. ... Подожди. Ты прости свою маму. Она любит тебя. Правда. Ей будет плохо без тебя. Она потом поймёт, что была не права и ошибалась. Ты не должен сегодня уезжать.

— Нет. Не поймёт, — сказал Игорь, вставив гвозди в дырочки, и постучал по ним «отпаровозной железой». Доски перегородки оказались на прежних местах. Девочка отговаривала его, но Игорь только качал головой, просовывая руки в лямки сумки, чтобы получилось, как рюкзак. Так научил его делать Валерка, когда они ходили с ним за хлебом.

Игорь упрямо сжал губы и больше не слушал, что ему говорит девочка Бирута. Нужно спешить. До бабушкиного домика очень большое расстояние, если даже на поезде ехать, то приедешь только утром, а поезд идет быстрее, чем ходят по земле мальчики с тяжелыми сумками. Игорь знал, что впереди на его пути будут маленькие станции и разъезды. Ведь он много раз видел их из окна вагона, когда ехал к бабушке или обратно домой. Несколько раз он даже ездил один. Мама сажала его в вагон и просила проводницу присмотреть и вовремя помочь сойти в Чесноковке. Он вспомнил, что бабушка живёт на станции Чесноковка. Там же живут его тети и дяди. Они живут вместе в одном домике у самой железной дороги, недалеко от вокзала. Прошедшей осенью он жил с бабушкой несколько дней.

...Первым делом осмотрел сарай с курицами, потом обнаружил в зарослях полыни большую телегу. Но лошади не оказалось нигде. Его это удивило, как телеги могут быть без лошади. Он даже пошел к огромным землянкам, в которых разгружались грузовики и повозки с овощами. Грузчик дал ему морковку необыкновенной величины, но всеравно он не знал, куда ушла бабушкина лошадь, оставив телегу в огороде. На другой день он познакомился с девочкой Верой, что жила через дорогу. Они быстро поругались. Девочка завела его на пустырь, где были ямы, разные доски и брёвна, а сама спряталась. Игорь её звал несколько раз, но она не откликнулась. Сначала он испугался за неё, а потом понял, что она его оставила тут, чтобы он потерялся. Теряться Игорю не хотелось. Он помнил, откуда они пришли, какие обходили кучи кирпичей и

штабеля брёвен, какие ямы видели. А ещё он всегда чувствовал, куда светит солнце. Если солнце светит в спину, когда уходишь, то когда возвращаешься, солнце должно светить в лицо.

На следующий день Вера пришла и сказала, что её напугали собаки, и она убежала. Девочка так убедительно говорила о своих страхах, что он поверил. Однажды она пригласила его к себе домой. Он понял, что она не умеет играть. Вера ходила по комнате, брала куклу, пыталась её одевать, но потом бросала, так как её внимание привлёк рисунок в журнале. Она принималась его выстригать, но, отложив ножницы, брала лоскут материи. Игорю надоели эти метания, он вежливо ушел, хотя Вера пыталась остановить его. Как-то во время очередной встречи, Игорь, посидев на скамейке у печи, собрался уходить, но девочка бросилась его останавливать, задела стоявший на столе будильник. Тот после падения не захотел тикать. Вера его трясла и стучала по звонку. Игорь ушёл. Через час Вера пришла к бабушке Игоря.

— Баба Поля, ваш Игорь сломал у нас часы.

— Как он их сломал? — удивилась бабушка, уже знавшая о том, что произошло.

— Уронил на пол, а потом ещё и пнул ногой.

— Зови Игоря. Пойдём к твоей маме на работу, и ты нам всё покажешь, как он сломал часы, — сказала бабушка, улыбаясь. Девочка вышла, но звать Игоря не стала. Вечером, загоня корову, бабушка и мама Веры долго разговаривали.

— Вы должны его наказать, — говорила женщина. — Он сломал наши часы. Только купили.

— Вы спросите, где была ваша дочь, и где сидел мой внук. Он находился у двери. Встал и пошел. Девочка бросилась его останавливать, задела скатерть. Часы упали. Поговорите с девочкой ласково, пообещайте, что ничего ей не будет за ложь, за разбитый будильник. Она вам расскажет правду. Постарайтесь общаться с девочкой, чтобы она видела только хорошие примеры с вашей стороны. Враньё может стать её поводом в жизни. Любить ребёнка нужно так, но чтобы он не слышал слова о любви, а ощущал вашу заботу и ласку.

ПРИВОЛЬЕ

Ольга шла навстречу. На ней была белая расшитая кофточка и коричневая в клетку юбка. Она счастливо улыбалась. Увидев озабоченное лицо мальчика, остановилась.

— Ты опять потерял ключ? — спросила она сочувственно.

— Мама закрыла дверь на замок, чтобы я не воровал чужую редиску и не купался без разрешения.

— Мы только две сорвали на вашем огороде.

— Пацаны лазили по огородам. Их поймали, но они спёрли на нас. Это Яшка наврал.

— Кто ещё.

— Мама не поверила. Она мне совсем не верит. Придётся пойти к бабушке жить. Нужен котелок, чтобы варить чай и картошку.

— Возьми. Маме не доит козу, — сказала Ольга.

— Ты вынеси, чтобы она не видела. Подожду тебя.

Через несколько минут девочка вышла из калитки. Радостно сказала:

— Мы пойдём ягоду рвать в лес. Маленько нарвём. Правда, же?

Они перешли речку по мостику. Тропинка среди трав вела к берёзовому колку, а там всегда много ягод. Игорь решил запасти в дорогу землянику для ужина. Девочка срывала понравившиеся ей цветы. Их оказалось много, а кулачок у неё маленький. Оля уже проходила мимо ромашек и колокольчиков. Стрекотали кузнечики, свистели птицы. Белоствольные деревья едва-едва шевелили своими листьями. Игорь нашел полянку. Дети принялись искать ягоду. Её оказалось очень мало.

— Ты ешь, а рвать будем в котелок после, — предложил Игорь, понимая, что время земляники прошло, а может быть, её всю сорвали. — Вот ещё возьми. Я что-то не хочу уже.

На самой дальней солнечной поляне ягод оказалось больше. Дети не заметили, что со стороны станции наползают лохматые тучи. Лесок постепенно поредел и кончился. Зелёное поле перед ними волновалось от ветерка. И вдруг он увидел её. Она была очень большая, с настоящей дверью. Около землянки валялись мазутные тряпки, железки, проволока, а рядом примитивная печь, сложенная из нескольких кирпичей, но без плиты и трубы. Ольга села на скамейку, а Игорь принялся рассматривать, трогая шестерёнки, тонкие колёса. Ему нужно было найти подходящее колесо к тачке. Землянка оказалась очень просторной. Справа и слева были дощатые нары, а перед окном столик. Пахло мазутом и мышами. Оля наломала ве-

ток и принялась наводить порядок, выметая мусор и былинки сена. Игорь вышел, чтобы не мешать и подумал, что надо развести костёр и вскипятить чай. В маленьком колодчике сидели две лягушки. Он прогнал их веткой, зачерпнул воды. Котелок не хотел стоять, но он положил на кирпичи два металлических прутка и отправился собирать палки, которые могли бы стать дровами и гореть.

— Оля, я тебе щавель принёс и лук-слизун. Там очень много, — сказал мальчик, войдя в преображённую землянку. На чистом столе в банке букет васильков. Цветы были над нарами, в щелях двери.

— Будто бы это наш дом, — сказала девочка, принимая пучок лука и щавеля, — мы сейчас будем обедать, ты не уходи далеко.

Игорь собрал все промасленные тряпки, обломки ящиков, обрывки бумаги. В первую очередь нужно положить измятую бумагу, потом тонкие веточки, а сверху уложить палки потолще. Он достал коробочку из-под пудры, вынул одну спичку и «чиркалку». Завернув запас спичек в бумажку, спрятал коробку в карманчик сумки. Ольга разложила на столике картошку и хлеб, налила молоко в кружку, принялась чистить лук-слизун.

— Чай заварим вот этими травками. Бабушка называла зверобой и душица, — Игорь положил в котелок букетик. Огонь разгорался очень медленно. Дети смотрели на вырывающиеся языки пламени, облизывающие стенки котелка. Вода стала морщиться, появилась белая пенка, задвигались из глубины листики.

— Давай сначала поедим картошки с молоком и хлебом, — предложила девочка. — Пока чай сварится, мы

оставим молоко, но вот у тебя нет сахара, но можно положить ягодки.

Игорь высыпал всю набранную землянику в котелок, подложил в огонь обломки дощечек и пошел в землянку. Дети ели картошку и лук, пили молоко. Было душно. Игорь открыл дверь и посмотрел на поле, которое уже не волновалось. Вода в котелке так и не хотела закипать. Он догадался, ведь надо было воду отлить, всеравно они не выпьют весь чай. Остатки я налью в бутылку и возьму с собой. Придётся идти долго. Воды может не быть до самого первого разъезда. Он представил, как мама ищет его, спрашивая у соседей, у Вальки, у Ольги.

Войдя в землянку, увидел, что девочка спит на клочке соломы, лежащей досках. Он тоже решил лечь и ждать, когда закипит чай.

Проснулись дети одновременно. Ослепительный белый свет влетел в раскрытую дверь, а через несколько секунд раздался грохот и треск, будто над землянкой раскололи огромное полено. Грохот удалился в сторону поля. Наступила тишина, но сильный ветер хлопнул дверью и зашумел деревьями. Стало холодно и одиноко.

Редкие капли громко и настойчиво простучали по листьям. Налетел ещё один порыв ветра и дождь мокрым бичом хлестанул по деревьям, по землянке и задумался. Было тихо и тревожно. Игорь выскочил на улицу спасать котелок и чай. Огонь давно погас, а чаю было очень мало. Он принёс котелок в землянку и налил в кружку коричневую жидкость. Хотя были варёные ягодки, чай оказался противного вкуса и напоминал какое-то лекарство, которым его лечила бабушка. Землянка осветилась невероят-

ным светом. О стекло окна билась большая глупая пчела и нехотя ругалась на своём языке. Ольга закрыла глаза и придвинулась к Игорю. Гром затрещал так грозно, что дети испуганно прижались друг к другу. В землянке стало холодно и темно. Дождь шумел без отдыха, как идущий очень длинный состав.

— Мне хочется домой, — прошептала Ольга.

— Ты хотела идти со мной? Я тебя отговаривал. Но ты говорила, что согласна со мной идти к бабушке. А теперь просишься домой.

— Я тогда хотела убежать с тобой, а теперь начался дождь. Мама станет меня искать и плакать. Я сбегаю и скажу ей, что мы пошли к твоей бабушке. Ты меня тут подожди.

Игорю самому расхотелось убежать, но он старался не показывать вида, что устал и мама будет его искать. Он уже её простил, хотя и не совсем. Попытался забыть обиду, вроде её и не было.

— Мне придётся тебя провожать домой. Пей молоко и набирайся сил. Как кончится дождь и гром, доведу тебя до мостка.

— Ты пойдёшь один? — удивилась девочка. — Уже скоро ночь, а где ты будешь спать? Где станешь мыть ноги?

Об этом Игорь не подумал. Дождь всё ещё шел, но свет молний стал слабее, а гром постепенно удаляясь в сторону Чумыша, уже не трещал, только глухо ухал и ворчал, словно закатывали пустые металлические бочки на платформу. Игорь вылил чай в пустую бутылку, собрал остатки щавели и лука-слизуна в сумку. Дождь шел нето-

ропливо, но упорно. Игорь знал, что вот-вот кончится у него вода и тогда выглянет солнце и между тучами, обязательно согнётся коромыслом радуга. Дети дождались, когда тучи разорвало ветром и солнечные лучи потянулись к мокрой земле. Хотя им было не по себе оттого, что в колке кто-то страшно кричал, а под нарами в дальнем углу скреблась мышь.

— Давай убежим потом. Отпросимся сперва, — предложила Ольга, пробираясь между стеблей высокой травы, на которые налипло много холодной воды. Она была такой ледяной, что просто обжигала. Игорь увидел три согнутых разноцветных ленты. Две радуги были большими, а третья была сбоку, упиралась сначала одним концом в элеватор, но почему-то ей захотелось двигаться, и она понемногу поплыла в сторону реки и на глазах детей принялась таять.

— Я никогда не видел три радуги, — сказал мальчик, глядя, как потоки воды переливаются через мостик. Ручей стал таким большим, что скрылись берега. Даже в кустах шарилась водяные струи и раскачивали их, будто хотели сломать.

— Мне тоже не виделись, — проговорила девочка, со страхом рассматривая, как колышется уже едва видимый под водой мостик. Игорь решил снять сандалии. Он положил их в сумку. Глядя на него, Оля тоже сняла голубенькие башмачки. Мальчик храбро встал на дрожащий мостик, ощущая ступнями круглые шляпки болтов. Ольга упиралась, не хотела идти за ним.

— Тебе хочется тут ночевать? Тогда иди за мной. Пусть он раскачивается, а нам же нужно домой. Ты хочешь домой?

Вода прибывала быстро. Когда дошли до середины, узкого, вибрирующего от напора потока воды, мостка, вода доходила им до колен. Игорь спокойно ощупывал ногами доски и болты, уверенно шёл вперёд, держа за руку девочку. Давно уплыл, распавшись, букетик подвявших цветов. Им казалось, что уже много времени пытаются добраться до противоположного берега. Мостик дрогнул и начал двигаться. Игорь рванулся к берегу, но девочка оступилась и упала в воду. Он не выпустил её руки, а продолжал тянуть за собой. Вдруг он увидел, что впереди конец мостка начал всплывать и двигаться, подхватываемый быстрым течением. Ольга выпрямилась, но тут же присела. Дети стояли на плывущем мостике и смотрели на берег.

— Здорово у нас получилось, — ободряюще улыбнулся Игорь. — Покатаемся немного на плоту. Как Том Сойер и его друг Гек. Мне мама читала.

— Я хочу домой! — закричала девочка. — Останови. Я тебе сказала! Мне холодно плавать. Я — заболēju. Ты будешь отвечать!

— Раз ты мокрая, давай купаться, — сказал Игорь, садясь на край мостика. Он пытался найти ногами дно, чтобы пойти к берегу. Дна не было. Тогда он осторожно опустил в воду, держась одной рукой за край. Течение ручья, который после ливня превратился в бурный поток, несло плот и детей. Игорь почувствовал, что его ноги коснулись дна, принялся тянуть плот к берегу. Он не мог

бросить его, ведь на нём сидела Ольга, а её нужно было спасать. От испуга она не могла даже пошевелиться. Берег медленно приближался. Мальчик уже стоял по пояс в воде, а край мостика зацепился за куст.

— Иди ко мне, — приказал он, подавая девочке руку. Ольга боялась встать на ноги. Ему пришлось подойти к ней, взять за руку и помочь слезть с плота в воду. Они вышли на берег, побежали вдоль ручья по лужам, мимо огородиков. Заходящее солнце светило ярко и надёжно.

— Давай завтра опять убежим, — предложила девочка и счастливо улыбнулась, освободившись от пережитого. — Если мостик сделают, тогда. Только ты не заболей сегодня. Чтобы нам не попало. Неси котелок домой. Моя мама догадается, что я из дома выходил. — Игорь сложил в котелок остатки слизи и щавеля, нашел на дне сумки десяток земляничин. — Ешь, чтобы ты не болела.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Игорь проснулся от стука двери. Вошла радостная мама, положила на стол сумку и заглянула в кастрюльку, в которой был гороховый суп из пачки. Конечно, компот выпил, а с супом не смог справиться. Ольга бы помогла, но она не захотела идти в чужие сени, потому что увидела незнакомую девочку, которая смотрела на Игоря большими голубыми глазами, а потом заботливо поддерживала, когда пролезал в дырку в перегородке. Она ей не понравилась сразу, потому что не походила на других девочек; разговаривала как-то странно и доброжелательно; была вся чистенькая, аккуратно причёсанная, сарафан и

кофточка на ней были удивительного покроя и расцветки. Эта незнакомка стала ещё и приглашать их к себе, чтобы напоить чаем с мёдом. Оля сразу отказалась, хотя мёд она пробовала, помнит его вкус, но чтобы идти к этой задавке, а тем более, её новая кофта почему-то выпачкалась глиной, на подоле юбочки откуда-то взялись мазутные пятна.

— Завтра, сын, мы едем к бабушке. У меня отпуск. Приезжает твоя тётя, а моя сестра — Варя. Соберутся все. У мамы день рождения.

Игорь обрадовался. «Что он может подарить бабушке? Игрушки ей не нужны, «железа» имеет ценность только для него, а «золотинки» бабушке без надобности». И вдруг он вспомнил, что Ольга собирается пожениться на Евсеевиче. Если не она, так мама её; они обязательно придут в мастерскую, а он-то уедет. Когда вернётся, дядя Степан будет Ольгиным отцом. Он бы мог уступить этой крикливой девочке. Пусть хоть у неё будет отец. Валерка объяснил, что мужчина не может жениться сразу на двух тётках, но дружить может хоть с кем и хоть когда, если у него будет время и желание ходить в гости. Для Ольги он ничего не жалел. А вот Степан Евсеевич ему нужней. Он же дядя. А мальчик должен учиться у отца разной работе, которую выполняют только мужчины. Когда Игорь, возразил Славке, сказав, что на станции работают везде тётки. Даже таскают шпалы и рельсы, подбивают под шпалы балласт, забивают кувалдами костыли. «Это пока война, — сказал Слава, — все мужчины уехали воевать, вот и на ихних местах работают женщины. Скоро вернутся, так всё будет по-старому».

— Мама, давай пока не поедем.

— Я уже оформила проездные документы. Нам нельзя опаздывать.

— Я хочу к бабушке, но давай поедем через два дня, — сказал Игорь, решая, что он поговорит с сапожником, попросит его не жениться на тёте Кате, а потом, когда они, погостив у бабушки, вернутся, тогда его мама и он смогут жить вместе с ним.

— Почему, сын?

— Нам нужно сперва пожениться на Евсеевiche., — сказав это, мальчик почувствовал облегчение.

— Это он тебя научил? — спросила Алла Петровна.

— Это мы с Ольгой так подумали. Если мы уедем, то её мама и дядя Степан поженятся. Я ей запретил, потому что я его первым встретил, и не стал бояться. Она всеравно хочет.

— Пусть и женятся. Тебе разве жалко? Но я не хочу выходить замуж за этого...

— Не говори так, мама!

— Как же я буду выходить замуж, если у тебя есть отец. Как мы будем брать себе другого?

— Никого у нас нет. Папу убили зимой, а ты меня обманывала. Ты забыла?

— Не кричи на мать! Совсем от рук отбился. Никого не слушает, ворует. Всё этот хромой!

— Мама, не называй его так. Я прошу. Мне больно.

— Ты будешь мне указывать? Я знаю, как его называть.

— Буду! — крикнул мальчик, вскакивая с кровати.

— Постой в углу и подумай над своим поведением.

Мальчик молча пошел в свой угол за печью. В комнате становилось темно. Алла Петровна не зажигала лампу. Она складывала вещи в сумку.

— Проси прощения и садись ужинать.

— Не буду просить прощение. Я умру здесь, если ты не поженешься с дядей Степаном.

— Понимаешь, сын, женятся тогда, когда любят друг друга. А твой сапожник не любит меня, а я его тоже не знаю хорошо.

— Он любит меня! Он мне санки сделал, сапожки сшил, продукты приносил, когда я болел. Он каждый день меня навещал, приносил конфеты и булочки. Мы с Ольгой всегда ели. И я его люблю. А ты потом полюбишь, когда узнаешь. Мы будем вместе работать. Он меня учит, как валенки подшивать. Я пробовал, но ничего не получилось.

— Вот оно что? Каждый день. А ведь обещал. — Недовольно проговорила женщина и её лицо побледнело.

— Мама, нам нужно завтра пожениться, — сказал Игорь громко.

— Этого мне только не хватало.

— Хватало. Если ты не поженешься, то я сам поженюсь, а не отдам его Ольге. — Мальчик вдруг расплакался, но сразу успокоился. Пусть едет, куда ей хочется, а завтра он должен уговорить Евсеевича, чтобы он с ним поехал к бабушке.

— Давай поговорим, как нормальные люди. Мальчики не могут жениться на дяденьках. Евсеевич младше меня на пять лет. Ты с ним дружишь. Он хороший человек. Просто чудесный. Очень добрый. Как я выйду за него за-

муж, если он этого не хочет. У него и мыслей таких нет. Иначе он бы давно сказал мне об этом. Он не говорил и не говорит.

Игорь задумался. Разговоров о том, чтобы мама вышла замуж за дядю Степана, не велось. Надо было сначала спросить у него, хочет ли он жениться с мамой. Может быть, ему некогда. «Почему я не спросил его. Завтра утром обязательно спрошу. Вот только нужно проснуться раньше мамы».

Несмотря на раннее утро, на станции вякала маневровая «овечка». В свежем воздухе носились привычные запахи креозота и угольной пыли. Одноногий сапожник, быстро шел на своих скрипучих костылях в ларёк занимать очередь за хлебом. Этот скрип был для Игоря настоящей музыкой. Он услышал его издалека. Мама крепко держала его за руку.

— Евсееч! — крикнул Игорь. Сапожник остановился. Оглянулся. Алла Петровна Бабушкина тянула за собой упирающегося сына. — Евсееч, поженись быстрее на маме, и мы поедem к бабушке. Я не могу ехать без тебя.

Мужчина постоял несколько секунд, сделал шаг, потом ещё.

— Евсеевич, не уходи. Почему ты не хочешь пожениться с нами? — Игорь вырвался и побежал за мужчиной. — Евсеевич, как я буду без тебя? Подожди меня.

Мальчик догнал сапожника, крепко обхватил. Мужчина едва удержался. Они стояли так, а спешащие к остановившемуся поезду люди, ничего не могли сказать, ничем не могли помочь. У них тоже было много печалей

и бед, что если бы их сложить в одну кучу, она непременно достала бы до самой дальней звезды.

— Не горюй, — сказал тихо сапожник, и голос его дрогнул. — Нам нельзя плакать. Мы с тобой мужчины.

Степан гладил по голове мальчика и смотрел куда-то далеко. Подошла Бабушкина, взяла Игоря, как малыша на руки, и понесла к вагону. На маленьких станциях даже дачные поезда не стоят долго. Евсеевич пошел, выбрасывая вперед костыли. А они скрипели так громко, так пронзительно, что сердце мальчика разрывалось на кусочки. «Не уходи! — кричал мальчик и дергался, вырываясь, словно пойманная птичка. — Я буду тебя слушаться и любить! Не уходи! Поженись с нами!»

— Что ты душу рвёшь ребёнку? — грустно сказала тётя Катя. — Давай сумку, пошли обратно. Я как раз картошки наварила. Степан, что ты молчишь? Стой! Вам что корова язык отжевала? Как не стыдно. Большие люди, а хуже детей.

— Оставь, Катя, как ты не понимаешь? Нам нужно ехать, — проговорила Бабушкина, подходя к вагону.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЯНИЧНАЯ КРУЖКА.....	3
САНКИ.....	10
ЗНАКОМСТВО	21
ПИСЬМО.....	29
НА ОКРАИНЕ ШАНХАЯ.....	38
ОБИДА	44
КРИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ.....	51
ПЛОХОЙ ПОСТУПОК.....	58
ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ПОСТУПОК.....	65
ИСПОРЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК	77
Игорю почему-то вспомнился тот день.	77
ИГОРЬ ЗАБОЛЕЛ	83
БЕЗОТЦОВЩИНА.....	89
ЖАРКИЙ ДЕНЬ	91
ПОБЕГ	101
ПРИВОЛЬЕ	107
ПРЕДЛОЖЕНИЕ	114